

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH171115-162>

Атаев Гамзат Дибирович,
к. и. н., старший научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ataevgd@mail.ru

Ахундов Туфан Исаак-оглу,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан
I_Akhundov@rambler.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию погребальных обрядов эпохи средней бронзы – важнейшего источника по изучению идеологических представлений населения Дагестана. Погребальный обряд является важным этнографическим признаком и консервативным элементом археологической культуры. Наряду с инвентарем он считается надежной базой для выявления особенностей культуры, ее хронологии и границ. Целью работы является исследование погребального обряда населения Дагестана эпохи средней бронзы на основе анализа погребальных памятников, изучение которых позволяет выявить различные религиозные представления и обряды культового характера местного населения. Коренные сдвиги в развитии культуры Дагестана на рубеже эпох ранней и средней бронзы привели к культурной трансформации региона и обусловили изменения в идеологических представлениях местного населения, что нашло свое отражение в погребальных обрядах. Это привело к увеличению этнической пестроты, подвижности населения, распространению курганного обряда захоронений, кромлехов вокруг погребальных сооружений, появлению погребений в срубках и с повозками, применению охры, галечниковой, древесно-камышовой подстилки в погребальном обряде и т.д. Все эти факты свидетельствуют о большом разнообразии погребального обряда.

С этими событиями связано значительное влияние степных племен на культуру и идеологические представления местных племен. Всестороннее изучение погребальных сооружений и обрядов населения Дагестана в эпоху средней бронзы позволило осветить многие проблемы, связанные с идеологическими представлениями и социальной организацией общества, этнокультурными контактами местного населения с сопредельными племенами. Исследование материалов погребальных памятников позволило составить представление о духовной культуре населения рассматриваемого региона: выявить, что у населения Дагестана в эпоху средней бронзы существовали сложные и разнообразные верования, среди которых большое значение имели представления о «душе», «загробной жизни», магические, охранные приемы, культы животных, природы и другие космологические представления и т.д.

Ключевые слова: Дагестан; средний бронзовый век; идеологические представления; погребальный обряд; курган; гробница; верования; культы.

© Атаев Г.Д., Ахундов Т.И., 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH171115-162>

Gamzat D. Ataev,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ataevgd@mail.ru

Tufan I. Akhundov,
D.Sc. (History), Chief Researcher
Institute of Archeology and Ethnography
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
I_Akhundov@rambler.ru

FUNERAL RITE AS A SOURCE FOR STUDYING IDEOLOGICAL CONCEPTS OF THE DAGESTAN POPULATION OF THE MIDDLE BRONZE AGE

Abstract. The article reviews the study of burial rituals of the Middle Bronze Age as a key source for studying ideological beliefs of the Dagestan population. The burial ritual is a major ethnographic characteristic and conservative element of an archeological culture. Along with funerary equipment, it is considered to be a reliable source for identifying features of a culture, its chronology and boundaries. The aim of the research is the study of the funeral rites of the Dagestan population of the Middle Bronze Age on the basis of analysis of burial sites, the study of which allows us to identify various religious beliefs and rituals of the cult nature of the local population. Fundamental shifts in the development of the culture of Dagestan at the turn of the Early and Middle Bronze Age led to the cultural transformation of the region and caused changes in the ideological ideas of the local population, which was reflected in the funeral rites. This led to an increase in ethnic diversity, mobility of the population, the spread of the burial mound rites, cromlechs around burial structures, the appearance of burials in log cabins and carts, the use of ocher, pebble, tree-reed bedding in the funeral rite, etc. All these facts indicate a wide variety of funerary rites.

These events are associated with the significant influence of the steppe tribes on the culture and ideological ideas of the local ones. A comprehensive study of burial structures and rituals of the population of Dagestan in the Middle Bronze Age made it possible to highlight many issues associated with ideological ideas and social organization of the society, ethnocultural contacts of the local population with neighboring tribes. The study of material of burial sites allows to get an idea of the spiritual culture of the population of the region under consideration: to reveal the fact that the population of Dagestan in the Middle Bronze Age had complex and varied beliefs, among which were ideas about the “soul”, “afterlife”; magic and protective actions, animal cults, nature and other cosmological ideas, which were also of great importance.

Keywords: Dagestan; Middle Bronze Age; ideological beliefs; funerary rites; mound; tomb; beliefs; cults.

© G.D. Ataev, T.I. Akhundov, 2021

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Важное место в археологическом изучении Дагестана занимает исследование религиозно-идеологических представлений местных племен среднего бронзового века. Особую значимость для реконструкции религиозно-мировоззренческих представлений имеет изучение погребальных памятников, погребальных сооружений и обрядов. Изучение погребального обряда племен Дагестана среднего бронзового века позволяет осветить различные стороны социального и культурного развития древних жителей. В начале среднего бронзового века в материальной и духовной культуре населения Дагестана фиксируются коренные изменения и трансформации. Дагестан в этот период превратился в пестрый в этнокультурном отношении регион. Такая ситуация сохранялась до конца эпохи поздней бронзы [1, с. 236–239; 2, с. 27–110].

Трансформация культуры региона выразилась, в частности, в изменениях погребальных сооружений и погребальных обрядов. С этими явлениями связано существенное воздействие степных племен на культуру и идеологические представления местных племен. Исследование памятников данного периода позволит дать объективную характеристику культуры и идеологических представлений местного населения.

Наиболее ранние погребения в Дагестане – два скорченных захоронения на поселении Гинчи эпохи энеолита [1, с. 22–24]. В эпоху ранней бронзы могильники уже выносятся за пределы поселения: могильник Шебоха (Ботлихский район) и могильник Гоно (Шамильский район) [1, с. 168; 3, с. 25–28]. В Шебоха погребальные сооружения – овалы в плане подземные склепы (1,5×2,0 м), стенки которых облицованы вертикально поставленными плитами, служили для многократных захоронений. В более позднем по времени могильнике Гоно сооружения представляют иную архитектурную традицию. Погребальное сооружение – углубленная в землю многокамерная прямоугольная постройка, примыкающая к основанию скального карниза [3, с. 25]. Камеры ограждены невысокими каменными стенками из известняковых плит сухой кладкой. Каждая из четырех камер, следуя естественному уклону местности, располагалась ниже другой, что придавало могильному участку ступенчатый облик, характерный для горных поселений Дагестана. Две нижние камеры предназначались для коллективных захоронений, а верхние – для ритуальных костров. Как видно от склепа Шебоха погребальная конструкция в Гоно отличается многокамерностью и прямоугольной формой. Могильник Гоно, можно сказать, в миниатюре воспроизводит облик поселений и жилищ Дагестана конца эпохи ранней и средней бронзы (поселения Верхний Гуниб, Ирганай I) [4, с. 26].

1. Погребальный обряд

населения гинчинско-гатынкалинской культуры

Гинчинско-гатынкалинская культура, получившая распространение в Горном Дагестане и Горной и Предгорной Чечне в XXV–XVI вв. до н.э., представлена погребальными памятниками и поселениями. Наиболее известными являются могильники Гинчи, Ирганай, Галгалатли, Чох, Ругуджа и др.

в Дагестане, Гатынкале, Малый Харсеной, Дай, Саади-Котар, Бельты II – в Чечне [5, с. 41–49; 6, с. 28–36; 7, с. 49–137; 8, с. 12–170; 9, с. 66–74; 10, с. 6–24; 11, с. 37–70].

В этой культуре выделяются два локальных варианта: на территории Чечни северо-западный или ичкерийский, в Дагестане юго-восточный или койсугский вариант [11, с. 149–152]. Раскопки памятников эпохи средней бронзы в Ирганайской котловине позволили выделить ирганайский локальный вариант этой культуры [12, с. 3–4].

Могильники располагались за пределами поселений. Основным типом погребальных конструкций являются *склепы* – они составляют, по подсчетам Р.Г. Магомедова, 38,5% от учтенных могил (Рис. 1; 2–11; 16, 1; 17–20; 21–26) [11, с. 57–58]. Склепы перекрывались плитами, количество которых зависело от размеров камеры и самих плит. Большинство склепов не имели специального бокового входа, захоронения в них производились сверху через специальное отверстие, или в каждом необходимом случае вскрывали плиты перекрытия (Рис. 1; 8; 16, 1) [8, с. 102; 11, с. 56–58]. Склепы с боковым входом были выявлены в могильниках Ирганай в Дагестане, склеп (№ 23) Бельты II в Чечне [11, с. 58], Эгикал в Ингушетии [13, с. 83–84].

По форме склепы делятся на две группы: 1) круглоплановые (Рис. 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 16, 1; 17; 19), четырехугольные (Рис. 10; 11; 16, 1; 18; 20; 22–26). Круглоплановые склепы открыты только в Горном Дагестане – это могильники Галгалатли, Гинчи, Кули, Ругуджа, Чох, Хаджалмахи [8, с. 103–104]. Больше всего их выявлено в Гинчи (№№ 1–3, 5, 7, 8, 10, 12, 14). Склеп № 9 занимал промежуточное положение: в нижней части он имел форму круга, а сверху – четырехугольника; разделены они двумя плитами, опиравшимися на карниз верхнего ряда кладки круглой части склепа (Рис. 16, 1) [8, с. 103]. В могильнике Гатынкале в Чечне к круглоплановым склепам примыкали могилы-кенотафы №№ 20–22 [7, с. 80–81].

Прямоугольные склепы сосуществовали с круглоплановыми на могильниках Чох и Гинчи (склепы №№ 4, 6, 11, 13). Исключительно прямоугольные склепы выявлены на Ирганайском I и Мугинском могильниках (Рис. 20; 22–26). В Чечне (Гатынкале, Бельты, Дай, Дуба-юрт) и Ингушетии (Эгикал) открыты склепы только прямоугольной формы [7, с. 10; 8, с. 103; 5; 11, с. 59]. По своим планам различают два типа прямоугольных склепов: 1) подквадратные и квадратные (Рис. 11; 18); 2) прямоугольно-вытянутые (Рис. 10; 11; 18). Тип 1 представлен склепами могильников Гинчи, Чох в Дагестане, Дай, Бельты в Чечне. Склепов типа 2 больше [11, с. 60]. По мнению М.Г. Гаджиева, размер склепов не зависит от их формы. Они все были подземными. В грунте рылись ямы, которые затем обкладывались стенками с сухой, без применения раствора каменной кладкой в несколько ярусов [14, с. 234–236].

Склепы перекрывались плитами или имели специальный боковой вход-лаз. В могильниках Гинчи и Гатынкале хоронили сверху, но в первом из них находили внутри склепа в виде завала плит, а во втором – они не

сохранились [8, с. 103; 7, с. 107]. На могильниках Чох и Муги склепы перекрывались одной или несколькими плитами [5, с. 44–49]. В Чохских склепах не было боковых входов-лазов, но в одном склепе (№ 1) находился порог в могилу. Пороги с боковыми входными лазами в камеру открыты в склепах Ирганайского могильника I.

Интересен склеп № 6 с кромlexом Ирганайского могильника (Рис. 22–26). Склеп подпрямоугольной формы с входным лазом порталного типа (дромосом) в соединенную с ним погребальную камеру вытянутой прямоугольной формы. Дромос и камера также, как и другие склепы Ирганая, расположены на одной длинной оси. Они ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Дромос имеет две параллельные стены, перекрытые одной мощной плитой. Дромос в плане трапециевидный, проемом с широкой частью он обращен наружу, а узкой частью вертикально обрывается в камеру. Юго-восточная и северо-западная стены дромоса являются как бы продолжением юго-восточной и северо-западной стен самой камеры (Рис. 22; 24–26). Открыто три яруса погребений. Выявлено 11 костяков в склепе. Входной лаз закрывался закладом камней [12, с. 12–14].

Склеп № 6 близок к другим склепам Ирганайского могильника I. Более всего он имеет сходство со склепами №№ 5, 7 и Большого Ирганайского кургана (БИК), которые также имели курганную насыпь и боковые лазы. Ирганайские склепы прямоугольной формы перекрывались массивными плитами. У них были боковые лазы со входом в камеру со стороны юго-восточной торцевой стены. Стены склепов сделаны из каменных плит, уложенных плашмя и ребром. Чаще вертикальные плиты использовались в основаниях стен, но в склепах № 1 и БИК отдельные стены состояли из монолитных плит. По коллективному обряду погребения склеп № 6 близок к склепам № 1 и БИК, где захоронены десять и три человека соответственно.

Склеп № 6 конструктивно близок погребальным сооружениям эпохи среднего бронзового века Дагестана, но в отличие от них имеет специальный боковой вход и каменно-земляную курганную насыпь (Рис. 21–26).

На Ирганайском могильнике I к настоящему времени выявлено и изучено 9 погребальных конструкций, четыре из которых располагались под курганной насыпью. Часть склепов были коллективными усыпальницами с труположением без определенной ориентации¹: в склепе № 1 было захоронено 10 чел., в склепе № 6 – 11 чел., в склепе БИК – 3 чел. В склепах №№ 4, 5, 7 было по два костяка. В склепе № 4 скелеты находились в сильно скорченном положении на левом боку или ничком, головой на ЮЗ. Нарушение анатомического порядка объясняется потревоженностью скелетов при дальнейших захоронениях. Отметим также, что здесь обычно могилы были нарушенными и ограбленными. В заполнениях склепов находили мелкие угольки, кусочки мела.

1 Атаев Г.Д. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в ноябре – декабре 2000 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 105.

Прямоугольные склепы, как правило, ориентированы по странам света: в Гинчи (№ 11 по линии СЗ-ЮВ), в Чохе – склеп № 1, в Муги – склеп № 2, а склеп № 1 Муги – СЗ-ЮВ. Различна ориентация и в Чечне [7, с. 107].

Каменные ящики не характерны для раннего этапа эпохи средней бронзы Дагестана. В Ирганае выявлен один маленький каменный ящик, представляющий впускное захоронение в курган и небольшой склеп № 3, похожий на каменный ящик² [6, с. 31]. Сооружения переходного типа, склеп-ящик открыты на могильниках в Чечне. По мнению К.З. Ерзункаевой они не соответствуют ящикам каякентско-хорочоевской культуры (КХК) и характерны для раннего этапа эпохи средней бронзы [16, с. 14].

Грунтовые ямы насчитывают 56 погребений (31% от общего количества). Известна одна яма округло-продолговатой формы на могильнике Гинчи в Горном Дагестане [11, с. 64] под каменным завалом, условно названная склепом № 14 (Рис. 1) [8, с. 88–87]. В Чечне грунтовые ямы найдены в могильниках Гатын-кале (14 погребений), Бельты (9 погребений), Саади-Котар (2 погребения), Малый Харсеной (19 погребений) [7, с. 108; 9, с. 66–74; 17, с. 28].

В могильнике Гинчи кроме склепов и каменных детских гробниц обнаружено 15 *кувшинных погребений*, находившихся рядом со склепами. В одном сосуде найдены кости взрослого человека, а во всех остальных – детей (Рис. 14; 15; 16, 3-6) [8, с. 115]. Погребальные сосуды клались горизонтально на глубине до 0,50 м от поверхности в специально вырытые для них ямы, стенки которых обкладывались тонкими плитами или небольшими камнями. Иногда дно ям устилалось плитами. Ими же закрывались и горловины погребальных сосудов. После помещения погребального сосуда в яму она покрывалась небольшими плитами и засыпалась землей. По мнению М.Г. Гаджиева, «в основе сооружения могил кувшинных погребений лежит тот же принцип, что и склепов. Формы их повторяют круглую или четырехугольную форму склепов» [8, с. 115]. Кувшинные погребения раннего этапа среднего бронзового века на Северо-Восточном Кавказе найдены только в могильнике Гинчи.

Описанные погребальные сооружения имеют свои отличительные признаки погребальной обрядности. Почти все склепы Горного Дагестана были предназначены для коллективных захоронений. Они использовались в течение длительного времени, очевидно, как родовые усыпальницы. Об этом свидетельствует большое количество погребенных, расположение их ярусами, отделенными прослойками земли, а иногда и плитами, перемещение костей некоторых скелетов при последующих захоронениях [8, с. 109]. Так, в склепе № 5 могильника Гинчи было погребено более 5 чел. (Рис. 6; 9), а если в среднем взять 6 склепов из 15, то количество скелетов варьирует от 12 до 51 (Рис. 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11) [14, с. 238; 11, с. 66].

Остановимся на труположении костяков в могильниках Дагестана. В могильнике Гинчи строго выдержанной закономерности в положении

² Атаев Д.М., Гаджиев М.Г., Погребова М.Н. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1961 // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26, Оп. 1. Д. 105.

покойников, в т.ч. по половому признаку установить не удастся. «Покойников хоронили в сидячем, скорченном и вытянутом положении, причем прослеживается, что в каждом склепе преобладает какой-нибудь из этих вариантов» [8, с. 112]. Там же не наблюдалась четкая ориентация погребенных. Но М.Г. Гаджиев отмечал «определенное стремление класть покойников головами на восток с отклонением на север и на юг» [8, с. 112]. В склепе № 1 Галгалатли костяки были положены в сильно скорченном положении вдоль стенки склепа (Рис. 19, 1) [19, с. 83].

Рассмотрим обряд захоронения в кувшинах. Ориентация погребальных сосудов различная, но преобладает тенденция класть их горловиной на юг с отклонением на запад (преимущественно) или на восток (Рис. 14; 15; 16, 3-6). Все погребения в сосудах были одиночными. Как отмечал М.Г. Гаджиев, «плохая сохранность костей затрудняет определение положения погребенных. Но, судя по расположению трубчатых костей детского скелета и следам костного тлена, в одном из сосудов, их клали на боку, головой к горловине погребального сосуда. Единственное погребение взрослого человека было сильно потревожено в процессе распаивания могильного поля. Судя по сильно согнутым костям руки и ноги, сохранивших анатомический порядок, погребенный находился в скорченном виде» [8, с. 116]. Инвентарь кувшинных погребений состоял из миниатюрных круглодонных или плоскодонных сосудиков, некоторые из них были со сливными носиками. Такие сосудики в больших количествах найдены в склепах, что свидетельствует о синхронности этих двух типов могил.

М.Г. Гаджиев считал, что «у населения, оставившего Гинчинский могильник, существовал сложный погребальный обряд ... Это тем более вероятно, так как ни в одном из этих склепов, вокруг которых располагались кувшинные погребения или гробницы, не было обнаружено детского погребения» [8, с. 116]. В литературе встречаются различные толкования обряда погребения в кувшинах. Интерес представляет мнение Т.И. Голубкиной, которая на основе изучения мингечаурских керамических оссуариев считала, что «глиняный кувшин-пифос, в который укладывают умершего в сильно скорченном положении, головой к горловине, символизирует матку» [20, с. 30]. Близкие взгляды и у М.А. Богдановой, по мнению которой захоронения в кувшинах свидетельствуют о «представлениях, отождествлявших амфору с материнским лоном» [21, с. 33].

Говоря о деталях погребального обряда, укажем на наблюдаемый ритуал использования огня, встречающийся во всех склепах и некоторых грунтовых ямах горного Дагестана и Чечни. О культе огня в погребальном обряде могильника Гинчи свидетельствуют специальные очажные ямы для разжигания костров внутри и вне склепов, посыпка угольками, а также сосуды с золой и угольками, которые клались с погребенными (Рис. 1) [8, с. 113].

Почитание огня в Дагестане документирует наличие угольков и в других памятниках эпохи средней бронзы горного Дагестана [5, с. 41–33; 6, с. 111; 19, с. 83–85]. В памятниках каякентско-хорочоевской культуры культ огня также был широко распространен [18, с. 57; 22, с. 106–107].

Почитание огня связано с определенными представлениями древних племен о его магической, очистительной силе. С погребальным обрядом культ огня связывает одно предание: «В прошлом для покойников сооружали специальные домики, над которыми после помещения покойника разжигали костер и только затем его засыпали землей» [8, с. 113–114]. Этнографами зафиксировано, что культ огня имел особое значение в традиционных верованиях народов Дагестана до недавнего времени³.

Функция очистительной силы огня, как его символа, приписывалась также охре. Обычай посыпки покойников природным красителем – охрой в склепах Северо-Восточного Кавказа практически не известен. Исключение составляет склеп № 2 могильника Гинчи, где найдены ее следы [8, с. 114]. Кусочки земли с желтой охрой обнаружены также в склепе № 1 могильника Ирганай. В Горной Чечне охра зафиксирована в Гатын-кале и Саади-Котар [7, с. 114; 9, с. 68].

Огонь, его символы (уголь, охра) могли также выступать символами солнца – известно, что у раннеземледельческих племен культ солнца занимал одно из ведущих мест и был тесно связан с главенствующим культом плодородия. Вместе с тем, огонь являлся символом домашнего очага.

В погребения клали украшения, орудия труда, глиняные сосуды с пищей (Рис. 2, 1, 2, 4, 5; 3; 5; 7; 9; 10; 11; 15; 16; 17; 18; 19; 20). Выявлено сочетание сосудов в могильнике Гинчи: миска, горшок, кружка или чашечка. По мнению М.Г. Гаджиева, «горшок служил для жидкой пищи, а кружка и чашка для зачерпывания ее из горшка, а миски служили для жидкой и мясной пищи, так как в них очень часто встречались кости животных, кости овцы и козы» [8, с. 114]. С покойниками найдены миниатюрные сосудики специального культового назначения.

У населения Горного Дагестана в эпоху средней бронзы были сложные идеологические представления. У них существовали представления о загробном мире, и что умерший должен был иметь свой дом – склеп, пищу, вместе с теми предметами, которые служили ему в другом мире, как и при жизни на земле. По-видимому, что исходя из своих обыденных мировоззренческих взглядов, наиболее близких по родству хоронили вместе в одном долго функционировавшем склепе, а людей, которых объединяла только общность происхождения, укладывали в общей для родовой группы могильнике. Существовала и возрастная дифференциация погребального ритуала, в особенности младенцев. Младенцев в Гинчи хоронили в глиняных сосудах, с ними же клали поильники – миниатюрные сосудики со сливным носиком, видимо наполненные молоком (Рис. 14; 15; 16, 3-6) [8, с. 169].

Обряды имеют определенные социальные смыслы, служат обозначением – символом социального отношения. Как отмечал В.М. Массон, «через идеологию происходит формирование традиций погребальных ритуалов, от которых в археологической практике сохраняются такие вещественные явления, как

³ Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк (рукопись). Махачкала, 1923 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 1570. с. 15-17.

способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризн и жертвоприношений» [23, с. 149].

Обычай строительства погребальных сооружений по модели реально существовавших жилищ свидетельствует об одной специфической стороне идеологических воззрений – их представлении о «загробном мире». В конце эпохи ранней бронзы происходит смена архитектурной традиции. Появление новой архитектурно-строительной традиции характеризуется сменой круглоплановых жилищ с прямоугольными пристройками на многокамерные прямоугольные жилища. Это прослеживается на примере Сигитминского поселения, и в особенности, Верхнегунибского, где уже вместо однокамерных жилищ с двориком и углубленным в центре дома очагом, появляются многокамерные прямоугольные смежные жилища, с плоской кровлей и двухчастными печами типа «кор» [4, с. 26–37].

В силу консервативности погребального обряда, традиция круглоплановой архитектуры в могильниках сохраняется дольше. Со склепами прямоугольной формы в эпоху средней бронзы продолжают бытовать круглоплановые склепы, полностью исчезнувшие в эпоху поздней бронзы [4, с. 26–27; 1, с. 169–171].

Связь жилой архитектуры и погребальных сооружений, по мнению М.Г. Гаджиева, является «одним из показателей корректирующей роли идеологических представлений, через посредство которых реальные культурно-исторические явления находят отражение в погребальном ритуале» [4, с.27].

Изменения в социальном развитии и в домостроительстве прослеживаются на поселении Верхний Гуниб и могильнике Гинчи. В.М. Котович считала, что планировка поселения Верхний Гуниб, состоящая из системы комплексов последовательно пристроенных друг к другу смежных прямоугольных жилищ, служит подтверждением существования в горном Дагестане большесемейных общин и патронимии» [24, с. 22–23].

Это же наблюдается, очевидно, и на могильнике Гинчи: каждый из 15 склепов, предназначался для захоронения одной большой патриархальной семьи. М.Г. Гаджиев считал возможным утверждать о патронимии в социальной структуре населения горного Дагестана [8, с. 164–168].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что у населения гинчинско-гатынкалинской культуры существовали разнообразные и сложные идеологические представления о «душе», «загробном мире», одухотворении сил природы, о магическом их воздействии на человека и т.д.

2. Погребальный обряд населения присулакской культуры

В предгорьях Северного Дагестана были распространены памятники, объединяемые в присулакскую культуру, получившая распространение в XXV–

XVII вв. до н.э. Это курганные могильники у сс. Старый Чиркей (Буйнакский р-он), Миатли, Гертма I, II, III и Саласу (Казбековский р-н), подкурганные погребения – в гробнице и каменном ящике у с. Андреяул, у с. Хубар, у г. Хасавюрта [25, с.31–59; 26, с.11–28; 27, с.11–20; 28, с.145–157]⁴ (Рис. 24–25).

В Миатлинских курганах представлены погребения в грунтовых ямах и каменных гробницах (Рис. 28–29). Погребальный обряд здесь характеризуется сходством, но в деталях имеются различия. В гробницах Миатли открыты захоронения в вытянутом (одно) и в сидячем (три) положении, в грунтовых ямах – 4 скелета в вытянутом и 2 – в сидячем положении, скелеты ориентированы на В, ЮВ, ЮЗ.

В Чиркее в каменных гробницах открыты погребения с вытянутыми и скорченными костяками, ориентированы головой на С, ЮЗ, кроме двух погребений (на Ю и СЗ) (Рис. 28–29).

Культура памятников данного региона носит синкретический характер. В присулакской культуре получили развитие черты степного и северокавказского происхождения. В погребальном обряде и инвентаре сочетаются признаки, свойственные для культуры местного населения, и явно привнесенные степные и северокавказские элементы [25, с.50–51; 26, с.16; 27, с.19–23].

На тесные связи присулакской культуры, на инфильтрацию сюда племен Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы указывает погребальный обряд, захоронения в курганах и некоторые детали (напр., наличие в могилах охры).

Анализ погребального обряда памятников присулакской культуры позволяет составить представление о духовной культуре местных племен в среднем бронзовом веке, раскрывает такие ее черты, как вера в загробное существование умерших, магические, охранные приемы, некоторые космологические представления и т.д.

3. Погребальный обряд носителей манасской группы памятников

Южнее присулакской культуры, в центральной части Приморского Дагестана получили распространение памятники, объединяемые в манасскую группу и датированные в диапазоне XXIV–XVIII вв. до н.э. Поселения не изучены. Для памятников манасской группы характерны подкурганные грунтовые ямы, каменные гробницы и катакомбы [32, с. 184; 33, с. 22–25]. Эпонимный памятник – курганный могильник возле ст. Манас в долине р. Манас-озень в урочище Каркома-хола [32, с. 186–197]. К этой группе относятся и подкурганные катакомбы, открытые в конце XIX в. у сел. Дешлагар (совр. Сергокала) и др. [31, с. 582–584].

⁴ Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., Федоров Г.С. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3199. С. 2–110; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3421. С. 2–30.

Манасские курганы имеют небольшие размеры и кромлехи. Курган № 1 – круглой формы, диаметр 16 м, высота 1,28 м, с кромлехом диаметром ок. 3 м, с толщиной 0,50 м, составленным из небольших камней. Основное погребение ограблено. Основная могила была вырыта на глубине 4,15 м от вершины кургана и смещена от центра к северо-западу. Могила овальной формы, ее длина – 2,1 м, ширина – 1,4 м. На высоте 0,75 м от дна могилы на уступах покоилось перекрытие могилы их массивных плит ракушечника толщиной 0,2–0,26 м, в центре нарушенное грабителями. В грабительском ходе найдены фрагменты сосудов. На дне ямы, выстланном галечником, на глубине 2,1 м лежали кости полного скелета женщины (Рис. 30, I, III). Череп хорошей сохранности был искусственно деформирован в области теменных костей.

В кургане № 3 были выявлены две катакомбы, связанные между собой проходом (Рис. 30, IV, VI). В них было захоронено 14 чел., еще 3 погребения были выявлены в насыпи.

Катакомба № 1 имела вход, закрытый большой каменной плитой, по обеим сторонам к которой прилегал 2 длинных камня. Вход имел вид вертикально идущего вниз колодца – дромоса. Глубина «колодца» 2,8 м. Катакомба представляла довольно обширную, вырытую в плотном материковом грунте погребальную камеру округлой формы (2,3×2,4 м) (Рис. 30, IV, VI). Потолок камеры сводчатый. Дно ее располагалось на 1 м глубже дна входного колодца. В северо-восточной части камеры находился проход, который вел в катакомбу № 2. Стены и потолок ее были обложенными сырцовыми кирпичами и камнем. Ход закладывался камнями и обломками сырцовых кирпичей. На земляном полу камеры катакомбы № 1 обнаружены 5 скелетов в вытянутом положении на спине, головами ко входу – на ЮЗ. Скелеты лежали на подстилке из морской травы (водорослей) (Рис. 30, IV, VI), от которой сохранился коричневато-фиолетовый тлен.

Катакомба № 2 имела свою входную яму. Дно входной ямы соответствовало глубине пола входной ямы катакомбы № 1. На глубине 1,9 м входная яма суживалась до ширины 0,65 м, образуя ступень высотой 1,2 м и узкий коридор длиной 2,4 м, соединяющей обе катакомбы. Данный коридор, обложенный камнями и кусками обожженной глины, имел сводчатый потолок. Высота свода – 0,65 м, ширина – 0,75 м. Пол катакомбы располагался ниже пола коридора на 1,05 м. Вход в катакомбу закладывался мелкими плитками сланца и двумя большими плитами, стоявшими наклонно, вплотную друг к другу (Рис. 30, V, VI). Погребальная камера была овальной формы (3,3×2,95 м). Потолок куполообразный. Высота камеры 2,2 м. В ней выявлено семейное захоронение мужчины, 2 женщин и 6 детей. Здесь, а также в других курганах с захоронениями в каменных гробницах и грунтовых ямах, скелеты были обсыпаны охрой, имели плохую сохранность, но, судя по отдельным костям *in situ*, были погребены в вытянутом и скорченном положении [32, с. 184–203]. Костяки покоились на деревянных плахах и подстилках из морской травы (водорослей) и камышей (Рис. 30, V, VI). Данные погребальные сооружения, очевидно, являлись семейно-родовыми усыпальницами.

Случайно обнаруженная у Манаса и расчищенная Г.С. Федоровым катакомба представляла обширную камеру почти круглой в плане формы со сводчатым потолком. Дно ее находилось на глубине 1,7 м от пола входного проема. Высота камеры 2,27 м. От входного отверстия в камеру были устроены три ступени. Дно камеры было вымощено каменными плитами толщиной 0,8-0,11 см [33, с. 22–25].

Отметим, что отличительные особенности инвентаря из Манасского могильника состоят в том, что здесь обнаружены миски с желобком под бортиком. Укажем и такие специфические черты, как орнаментацию сосудов желобчатым, ямочным и штампованным узорами, находки бронзовых очковидных привесок, неизвестные в других местах. Иной бронзовый инвентарь из этих катакомб известен и на других памятниках Дагестана.

Особенность погребального обряда Манаса наряду с другими чертами проявляется и в том, что здесь представлены захоронения в подкурганых катакомбах, которые отличаются от расположенных южнее катакомб Великентского могильника I, где были выявлены бескурганные катакомбы, вырытые в толще естественных холмов. Авторы раскопок могильника возле ст. Манас Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов, характеризуя погребальный обряд, отмечают «местную погребальную традицию, сильно усложненную в результате несомненного проникновения сюда степных этнических элементов». Они также указали и на местные признаки культуры, к которым отнесли погребения с вытянутыми костяками, некоторые скелеты с признаками расчленения, обычай сооружения вокруг курганов кромлехов. К чисто степным чертам они относят «погребальные сооружения в виде катакомб и древесно-камышовую постилку дна могил» [32, с.186–191]. Подводя итоги изучения Манасских курганов, Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов, пришли к заключению, что материалы данных памятников «имеют черты преемственности по отношению к местной культуре как предшествующего, так и последующего времени» [32, с.203].

Выявленный в Манасских курганах обряд с коллективными захоронениями следует также объяснить социальными связями, связью между жилой архитектурой и типом погребального сооружения. Катакомбы являются отражением реально существовавших жилищ Дагестана эпохи ранней бронзы, которые представляли собой круглые в плане жилища с прямоугольной пристройкой. Наличие круглых по форме катакомб в эпоху средней бронзы следует объяснить консервативностью погребального обряда, которые в пережиточной форме сохранили раннее существовавшие у населения Приморского Дагестана строительные традиции, так как в это время на поселениях была распространена уже прямоугольная планировка жилищ.

Манасские катакомбы служили для захоронений членов близкородственного коллектива на протяжении длительного времени. Катакомбы перекрывались курганными насыпями, при совершении очередного захоронения вскрывался входной лаз, кости предыдущих скелетов при последующих захоронениях передвигались. Манасские катакомбы являлись «домиками мертвых»,

свидетельствующими о существовании у населения, строившего их, религиозных представлений, связанных с верой в потустороннюю жизнь. Умерший должен был иметь дом-катакомбу, пищу, окружен теми вещами, которыми он пользовался при жизни и которые пригодились бы ему в загробном мире, как и при жизни. В могилу вместе с телом клали все необходимое: глиняные и деревянные сосуды с пищей, украшения, предметы вооружения, некоторые орудия труда, в частности, оселки, которые, вероятно, служили и огнивами. Покойника хоронили в одежде, в особенности, нарядной была одежда женщин: часто обувь была обшита бисером, на голове, в волосах помещались разнообразные бусы, бронзовые трубочки-накосники, колпачки.

Следы охры в катакомбах свидетельствует о том, что она наделялась магическими свойствами очистительной силы. Каменные оградки-кромлехи вокруг могил, очевидно, были связаны с культом солнца и символически «обогревали» жилище умершего. Ориентировка покойников головой или лицом в южную сторону или к восходу также указывает на почитание солнца. Заметно, что представления людей о загробной жизни переплетались с астральными верованиями. Наличие подкурганых катакомб и древесно-камышовой подстилки дна могил – это, несомненно, черта погребального ритуала степных племен, продвинувшихся в Приморский Дагестан.

4. Погребальный обряд носителей гентальской группы памятников

К северо-западу от манасской группы в начале предгорий Дагестана, в урочище Гентал недалеко от р. Шура-озень, на северной окраине гор. Буйнакск и в 1 км к югу от сел. Кафыр-Кумух обнаружены и исследованы две подкурганые массивные гробницы (Рис. 31). [34, с. 14–21]. Гентальская группа памятников датируется в пределах XXII–XXVIII вв. до н.э.

Гробница № 1 врыта в материк, представляет удлиненное четырехугольное в плане сооружение. Ее внутренние размеры: длина – 3,4 м, ширина – 1,6 м, высота – 2,15 м. Блоки, перекрывавшие гробницу, достигали 30 см толщины. Одна из плит имела размеры 2,5×1,9 м, вторая – 2,6×1,5 м. Стены гробницы были возведены из рваных и слегка обработанных крупных блоков песчаника на глиняном растворе (Рис. 31, 1-3). На полу гробницы выявлены полосы древесной трухи, а также отдельные небольшие фрагменты дерева – некоторые из фрагментов имели с внешней стороны отесанные параллельные грани. Эти фрагменты и обилие трухи свидетельствовали о том, что в гробнице находилась прогнившая и развалившаяся с течением времени деревянная погребальная конструкция. Характер обработки этих фрагментов позволяет предположить, что в гробнице была установлена деревянная колода типа саркофага, выдолбленная, очевидно, из цельного ствола дерева крупных размеров [34, с. 16–17]. В процессе расчистки гробницы была

прослежена костная труха погребенного, сохранившаяся отдельными пятнами на глинобитном полу, которую настилал и подстилал тлен. По мнению автора раскопок, колода «с погребенным, лежавшим в ней, очевидно, вытянуто на спине, была накрыта сверху крышкой, выдолбленной, по-видимому, из второй половины ствола» [34, с. 17]. Галечный пол по всей площади был обмазан тонким слоем глинобита.

Гробница № 2 располагалась в 4,5 м к востоку от гробницы № 1. Она представляла удлиненное четырехугольное в плане сооружение, врытое в материк. Внутренние размеры ее: длина – 2,0 м, ширина – 1,1 м, высота – 1,3 м. Перекрыта была двумя крупными плитами песчаника размером около 2,2´2,4´0,25 м. Стены гробницы, возведенные из рваных, слегка обработанных блоков песчаника, в отличие от стен первой гробницы, были сооружены без применения глиняного раствора (Рис. 31, 4-6). В кладке использовались мелкие плиты и камни, подложенные под крупные камни для их устойчивости.

Сосуды из гробниц по форме и орнаментации напоминают как манасские сосуды, так и сосуды присулакской культуры.

Недалеко от описанных гробниц в урочище Гентал было открыто также подкурганное захоронение в гробнице у сел. Кафыр-Кумух. Здесь исследовано погребение, совершенное в деревянной повозке-кибитке. Об этом свидетельствуют сохранившиеся ее деревянные дуги [35, с. 77].

Представляется, что формы погребальных сооружений типа гробниц Гентала также отражают характер жилой архитектуры эпохи средней бронзы Дагестана. Обычай строительства погребальных сооружений, воспроизводящих по форме реально существовавшие жилые постройки, характеризует, как выше отмечалось, одну из сторон религиозно-идеологических воззрений древнего населения Дагестана и их представления о загробном мире.

Подкурганное захоронение в деревянной повозке у сел. Кафыр-Кумух также отражает в этой черте погребальной обрядности религиозные представления степных племен о потустороннем мире. Мы предполагаем, что повозки служили для доставки тела к месту захоронения [4, с. 31]. В реальной жизни повозки могли служить и служили для подвижных скотоводов жилищем на колесах. И повозки, обнаруживаемые в подкурганных могильных сооружениях, фактически представляют реально существовавшие жилища, практиковавшиеся у степных племен в среднем бронзовом веке. Обряд погребения в повозке, как и другие погребальные обычаи, был привнесен ими на территорию Приморского Дагестана.

Известно, что обряд захоронения в повозках имел социальное значение. Как считают исследователи, он подчеркивал высокий прижизненный статус погребенного и свидетельствовал о выделении особой социальной прослойки; с другой стороны, повозки, а также глиняные их модели в погребениях могли нести определенную религиозную нагрузку, подчеркивающую переход-переезд умершего из реального мира в иной, потусторонний [4, с. 31].

5. Погребальный обряд носителей утамышской группы памятников

Другую группу памятников Предгорного Дагестана характеризуют Утамышские курганы. Они расположены к ЮВ от ст. Манас на левом берегу р. Инчхезень у сел. Утамыш (Каякентский район) [36, с. 47–62] (Рис. 28). Утамышская группа памятников датируется в диапазоне XXV–XXI вв. до н.э.

В кургане 1 выявлена яма, в которой устроен сруб из шести венцов. Перекрывалась камера накатами из бревен. В срубке найдена деревянная повозка с четырьмя колесами, на которую был положен саркофаг, в котором была погребена женщина, уложенная в вытянутом положении головой на запад. Саркофаг напоминал колоду (длина 2 м) и был изготовлен из двух равных половинок ствола дерева (Рис. 32, А).

В кургане 3 была открыта яма прямоугольной формы. На дне обнаружен сруб из дерева, внутри которого находилась колода со скелетом мужчины в вытянутом положении, на спине, головой на запад [36, с. 48–53]. Перекрывалась камера деревянными плахами, положенными в один ряд (Рис. 32, Б).

Инвентарь Утамышских курганов отличается богатством находок и состоял из орудий труда, предметов вооружения и украшений из бронзы, золота, серебра, камня, пасты [36, с. 51–54]. Погребальные конструкции типа срубов, найденные в Утамыше, более неизвестны в Дагестане. По мнению авторов раскопок, разнообразие погребальных сооружений, отражает «с одной стороны, этническую пестроту обитавшего здесь в ту пору населения, а с другой, определенные связи местного населения с ранними памятниками срубной культуры Поволжья» [36, с. 54–55]. Устройство деревянных срубов в могилах также объясняют тем, что данные погребальные сооружения повторяли постройки типа избы-сруба.

Обряд погребения Утамышских курганов, как и других погребальных памятников Дагестана, отражает определенные черты и компоненты мировоззрения, религиозных представлений носителей это обрядности. В основе этого обряда лежала, прежде всего, универсальная идея о продолжении жизни после смерти, что учитывалось при возведении тех или иных форм погребальных сооружений, сопровождении захоронения всем «необходимым» из одежды, утвари и прочих предметов.

6. Погребальный обряд населения великентской культуры

В Приморской низменности, севернее Дербента, расположены памятники великентской культуры. Памятники этой культуры характеризуют материалы верхних горизонтов поселений Великент I, Геметюбе I, Мамай-кутан и поздние катакомбы среднего бронзового века Великентского могильника I и II (Рис. 33). Данная культура, в отличие от присулакской, имеет более тесные связи с предшествующей раннебронзовой культурой куро-аракской культурно-исторической общности, что проявляется, в частности, в сохранении катакомб-

ного обряда захоронений, некоторых типов керамики [1, с. 237–238; 41, с. 75; 42, с. 14–15; 43; 47, р. 47–122; 48, р. 142–159].

На Великентском катакомбном могильнике I исследованы катакомбы, вырытые в естественном холме (Рис. 33). Это овальные, округлые в плане погребальные камеры диаметром от 3 до 6 м со сводчатым потолком, в которые вели четырехугольные входные ямы. Входы в погребальную камеру закладывались плитами. В камерах зафиксировано большое число захоронений (порой свыше 100), что говорит об их долговременном использовании в качестве семейно-родовых усыпальниц [44, с. 79; 42, с. 14–15; 37, с. 311–312; 43, с. 32, 87–98; 47, р. 47–122; 48, р. 142–159].

Все катакомбы поздней группы Великента, по Р.Г. Магомедову, за исключением катакомб № 5 и № 9 характеризуются Т-образным соединением прямоугольных входных ям с погребальными камерами яйцевидной или почковидной в плане формы посредством входного арочного лаза (дромоса) (Рис. 33, 1) [43, с. 89]. Центральная осевая линия катакомб, проходящая входную яму, дромос и камеру, указывает на преобладание осевой ориентации катакомб в северо-восточный сектор (катакомбы №№ 2–3, 5). На юго-восточный сектор приходится одна катакомба (№ 11) и две катакомбы (№№ 9 и 12) – на юго-западный сектор. Рассмотрение двух параметров катакомбных конструкций – способ соединения входного лаза с погребальной камерой (ступенька, пандус) и форма камеры – показывают, что по первому параметру большая часть поздних катакомб (4 из 6) характеризуется пандусным спуском в камеру (катакомбы №№ 2, 5, 11 и 12), две катакомбы (№№ 3 и 9) имеют одноступенчатое соединение дромоса и камеры (Рис. 33) [43, с. 90; 47, р. 47–122; 48, р. 142–159]. Из катакомб поздней группы т.е. относящихся к среднему бронзовому веку, половина имеет камеры яйцевидной формы, а остальные – почковидные, но среди них больше конструкций, сочетающих такую форму плана камеры с пандусным соединением дромоса и камеры (катакомбы №№ 2, 5, 11) [43, с. 90; 47, р. 47–122; 48, р. 142–159].

Р.Г. Магомедов отмечает, что только в двух катакомбах из поздней группы (№№ 3, 11) закладные плиты сохранились в неповрежденном состоянии. Во всех остальных катакомбах, в колодцах, лазах (дромосах) и камерах каменные плиты (от 2 до 5), которые, видимо, были предназначены для закрытия лазов, находили сдвинутыми с места в процессе ограблений, разрушений [43, с. 91].

В катакомбах найдены подстилки органического происхождения, угольки и в редких случаях – охра и кусочки битума. Катакомбы Великента принципиально не отличаются от Манасских и от степных катакомб по форме камеры. Главное различие заключается в том, что манасские и степные катакомбы были подкурганными. От степных катакомб Великентские отличаются также характером инвентаря и тем, что у первых отсутствуют пандусный вход и каменные закладные плиты. Катакомбы Великента содержали значительное количество инвентаря, в том числе керамику, но с немногими образцами

посуды с обмазанным туловом. Для великентской культуры характерны напершия булавы, изящные полированные каменные боевые топоры, украшения из бронзы и др. [4, с. 9].

В поздних катакомбах Великентского могильника I выявлены коллективные захоронения – там встречены от 16 и до 136 погребенных в одной катакомбе [43, с. 96]. Богато в количественном отношении представлена керамическая посуда: в катакомбе № 1 найдено около 140 сосудов, в катакомбе № 3 – 50 сосудов, в катакомбе № 4 – 20 сосудов [43, с. 31–68].

Следует отметить, что захоронения в катакомбах, вырытых в естественном холме, свидетельствуют о генетической связи между формой погребального сооружения и традиционным для куро-аракской культуры круглоплановым жилищем. Катакомбы являются двухчастными домами мертвых, которые состоят из прямоугольной передней и круглой в плане погребальной камеры-«жилища мертвых», соединенных между собой входным лазом. Они были своеобразными копиями известных жилых построек, открытых на поселениях Дагестана эпохи ранней бронзы таких как Геме-тюбе I, II у сел. Каякент, Великент I, II, Чиркей, Галгалатли, Мекеги и т.д. По мнению М.Г. Гаджиева, они отражают характер жилой архитектуры эпохи ранней бронзы Дагестана, основным элементом которой является круглое в плане помещение и пристроенная к нему передняя [4, с. 36–37].

Великентская культура эпохи средней бронзы датируется в пределах XXV–XVII вв. до н.э. Следует указать, что для Великентского комплекса памятников эпохи ранней и средней бронзы имеется серия радиоуглеродных дат. Получено около двадцати дат, которые «могут послужить опорой для создания единой хронологической шкалы памятников эпохи бронзы Дагестана и Северо-Восточного Кавказа» [46, с. 49–50]. Датировка поздних великентских катакомб подкрепляется калиброванными радиоуглеродными датами, сделанными в лаборатории Аризонского университета (США). Часть их относится к верхним слоям Великентского поселения I, синхронным материалам великентских поздних катакомб: 1) (AA-15103) 3900±65 л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2865–2505 гг. до н.э.; 2 сигма – 2576–2200 гг. до н.э.); 2) (AA-21283) 2578–1923 BC (с калибровкой, 2 сигма); 3) (AA-21286) 2335–1870 BC (с калибровкой, 2 сигма) [46, с. 50]. По костным материалам из катакомбы № 11, близкой по инвентарю к катакомбам №№ 1 и 3, получена также дата, лежащая в аналогичных временных пределах: (AA-27353) 3980±50 л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2577–2463 гг. до н.э.; 1 сигма – 2851–2367 гг. до н.э. [43, с. 86].

Большое значение имеет тот факт, что приведенная дата позднего слоя Великентского поселения I (2335–1870 до н.э.) надежно свидетельствует о верхнем хронологическом отрезке бытования памятников типа великентских поздних катакомб на территории Приморского Дагестана. С другой стороны, с этой датой стыкуется радиоуглеродная дата Кафыркумукской гробницы, которая документирована нижний хронологический предел памятников переходного типа – от культур раннего этапа средней бронзы к каякентско-хорочоевской культуре.

Заключение

Резюмируя сказанное, укажем на то, что рассмотрение и анализ некоторых аспектов идеологических представлений населения Дагестана среднего бронзового века, которые нашли свое отражение в погребальных сооружениях и погребальных обрядах памятников, дали возможность реконструировать в определенной степени погребальную идеологию местного населения рассматриваемого времени. Комплексное освещение погребальной идеологии населения Дагестана в эпоху средней бронзы позволяет представить всю сложность и разнообразие практиковавшихся в то время погребальных обрядов, которые отражали религиозно-мировоззренческие представления местных племен. Это является подтверждением того, что здесь проявилась характерная для первобытного общества особенность – неразрывное единство, слитность хозяйственно-бытового уклада и идеологических воззрений.

У населения Северо-Восточного Кавказа была довольно сложная и разнообразная погребальная идеология, распространены различные культы и верования. Но говорить о развитом пантеоне, едином главном божестве у населения Дагестана, а также глубоком имущественном и социальном расслоении на всем протяжении эпохи средней бронзы у нас нет пока достаточных оснований. Указанные явления могли присутствовать у населения Дагестана на заре среднего бронзового века. Но на поздних этапах эпохи средней бронзы об этом говорить с полным правом мы не можем, так как в это время уже прослеживаются значительные изменения, происшедшие в материальной и духовной культуре населения Дагестана, связанные со значительным воздействием степных племен. Вышеотмеченные явления характерны для общества, находящегося у порога цивилизации. А на данной территории этот процесс, предполагающий становление классового общества и цивилизации, не получил закономерного завершения. Поступательное прогрессивное развитие общества здесь было прервано в III тыс. до н.э. [49, с. 98-104]. Все это отразилось и в идеологических представлениях местного населения и, частности, в разнообразии погребальных сооружений и погребальных обрядов. В конце среднего бронзового века отмеченные трансформации в культуре местных племен явственно прослеживаются на всей территории Дагестана в материальной культуре, религиозно-идеологических представлениях, в том числе в погребальной обрядности.

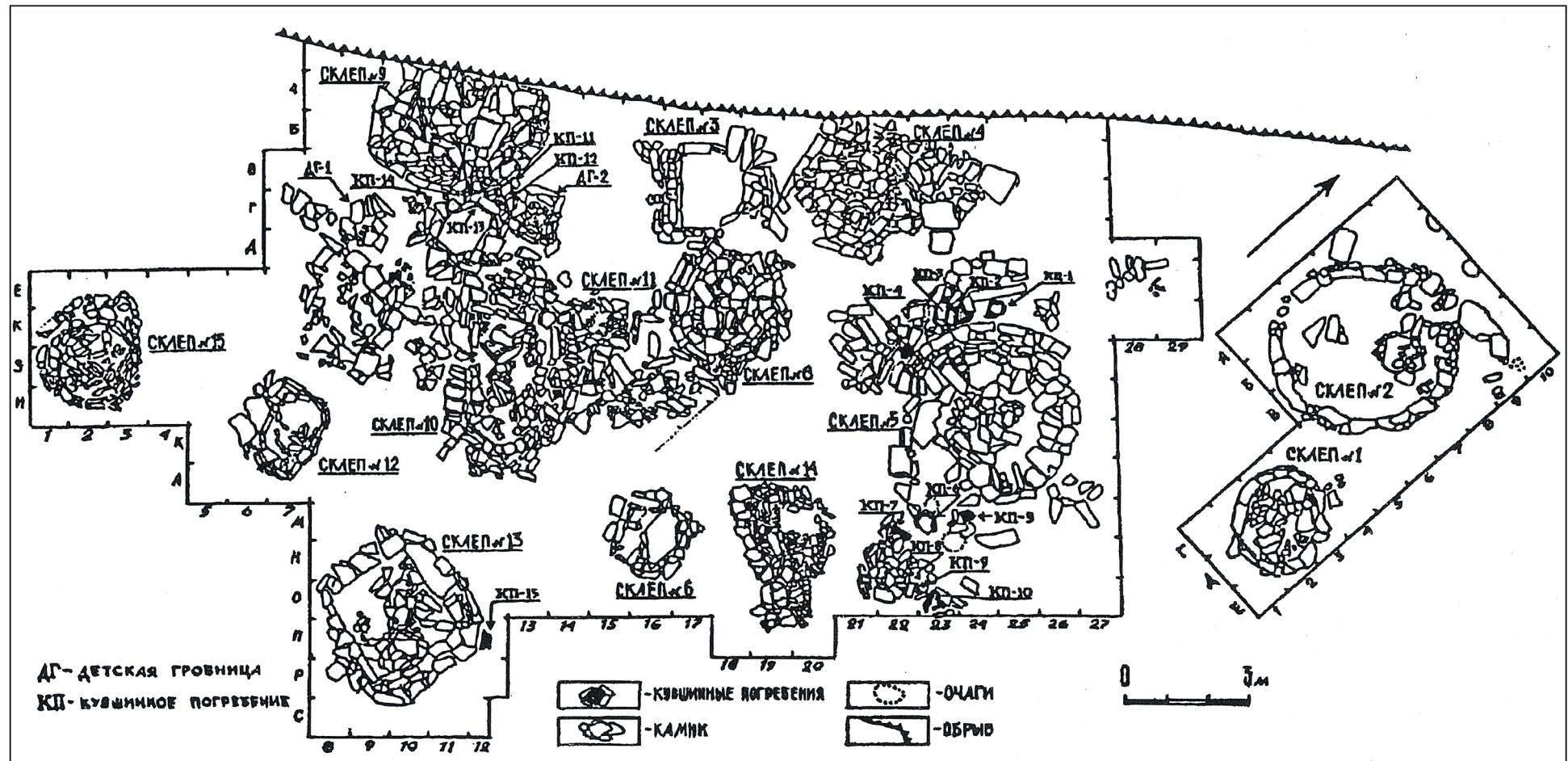

Рис 1. Могильник Гинчи, общий план (по М.Г. Гаджиеву)

Fig. 1. Ginchi burial site, general plan. According to M.G. Gadzhiev

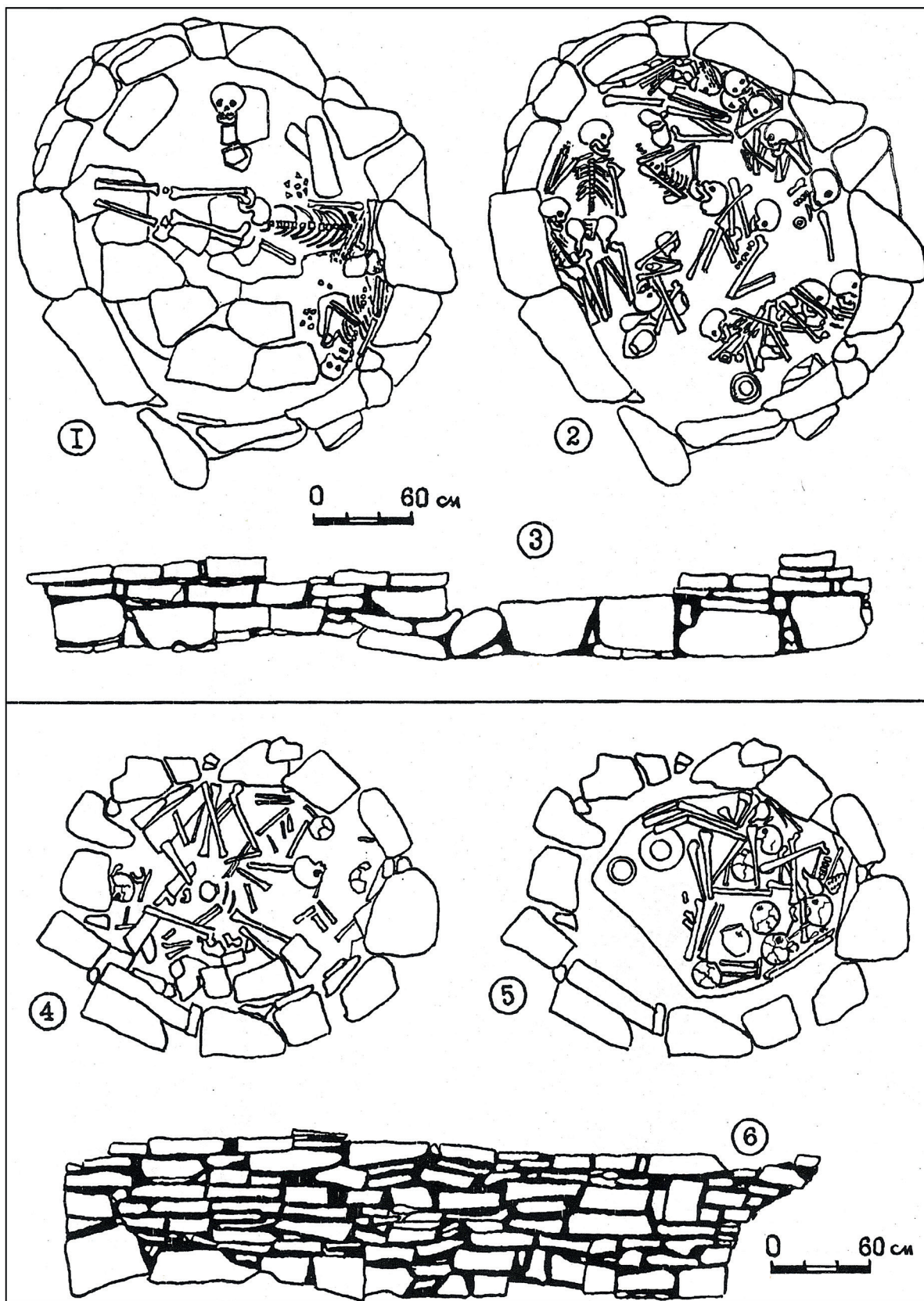

Рис 2. Могильник Гинчи. Планы и развертки стен склепов №1 (1–3) и №8 (4–6) – по М.Г. Гаджиеву

Fig. 2. Ginchi burial site. Plan and developed view of the walls of crypts №1 (1-3) and №8 (4-6).
According to M.G. Gadzhiev

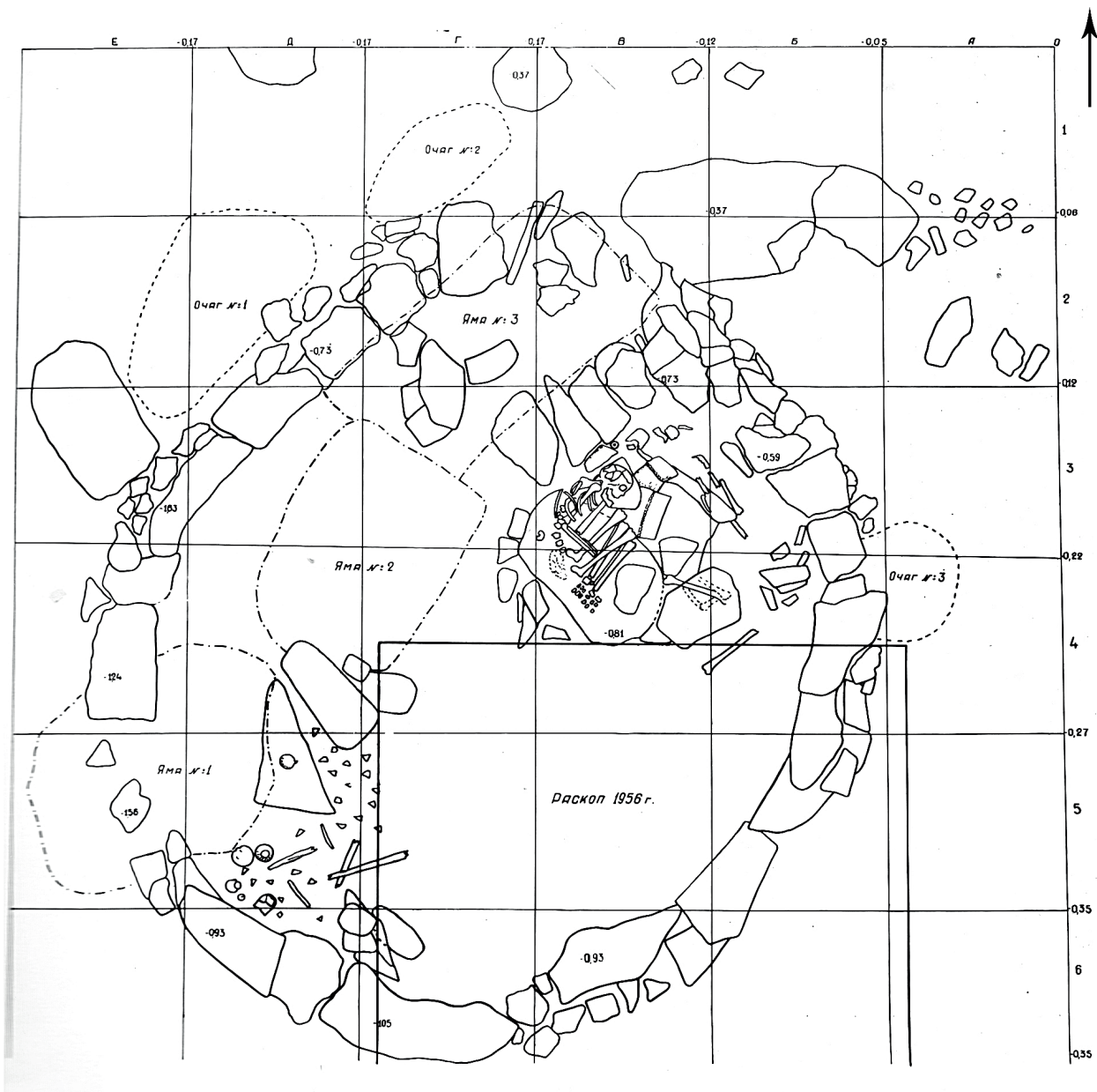

Рис 3. Могильник Гинчи. Склеп №2. Раскоп 1956 г.
План верхнего яруса склепа. По М.Г. Гаджиеву

Fig. 3. Ginchi burial site. Crypt № 2. Excavation of 1956.
Layout of the upper tier of the crypt. According to M.G. Gadzhiev

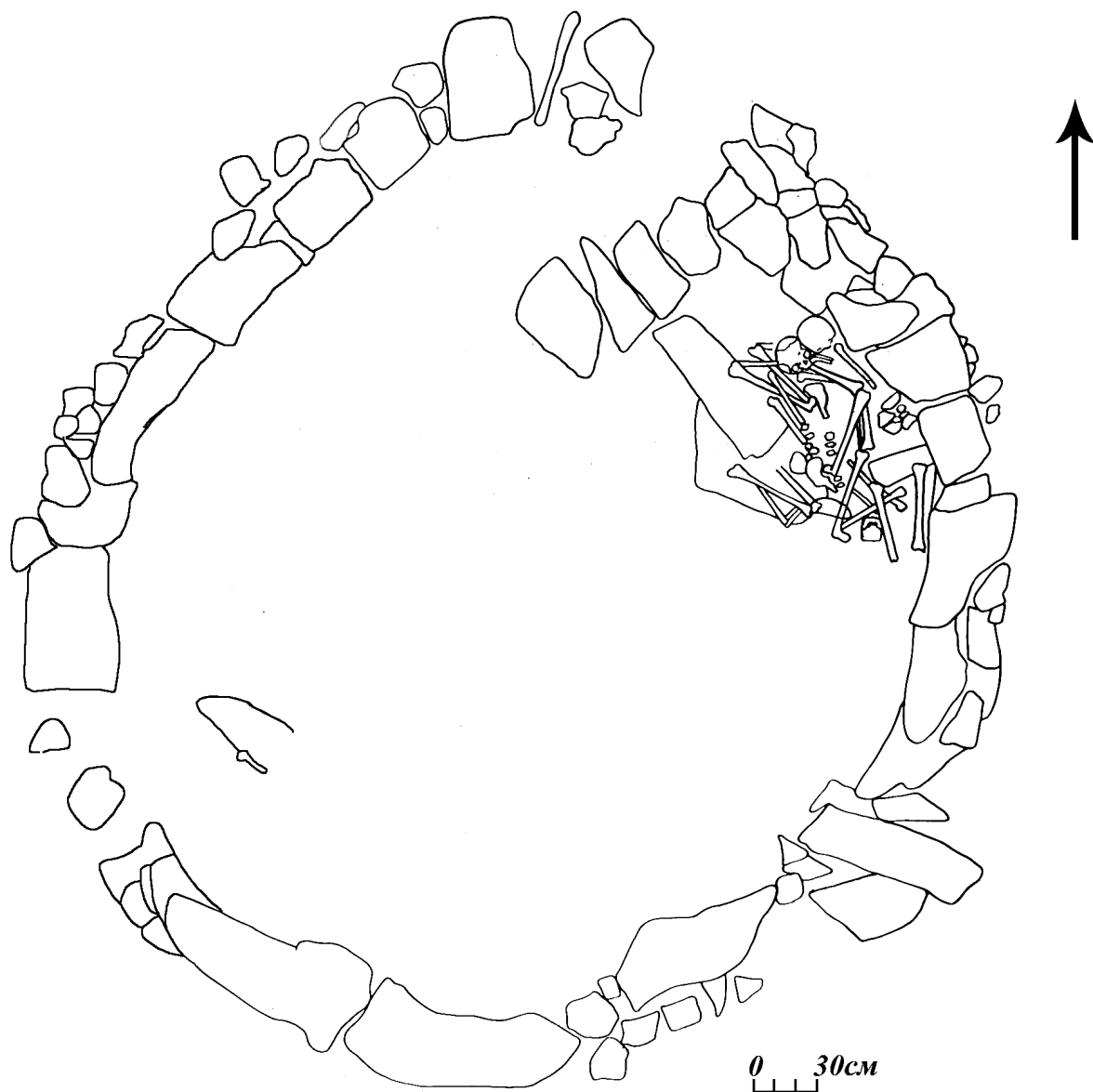

Рис 4. Могильник Гинчи. Склеп №2. План верхнего яруса. Северо-восточный сектор. По М.Г. Гаджиеву

Fig. 4. Ginchi burial site. Crypt № 2. Layout of the upper tier. North-east sector. According to M.G. Gadzhiev

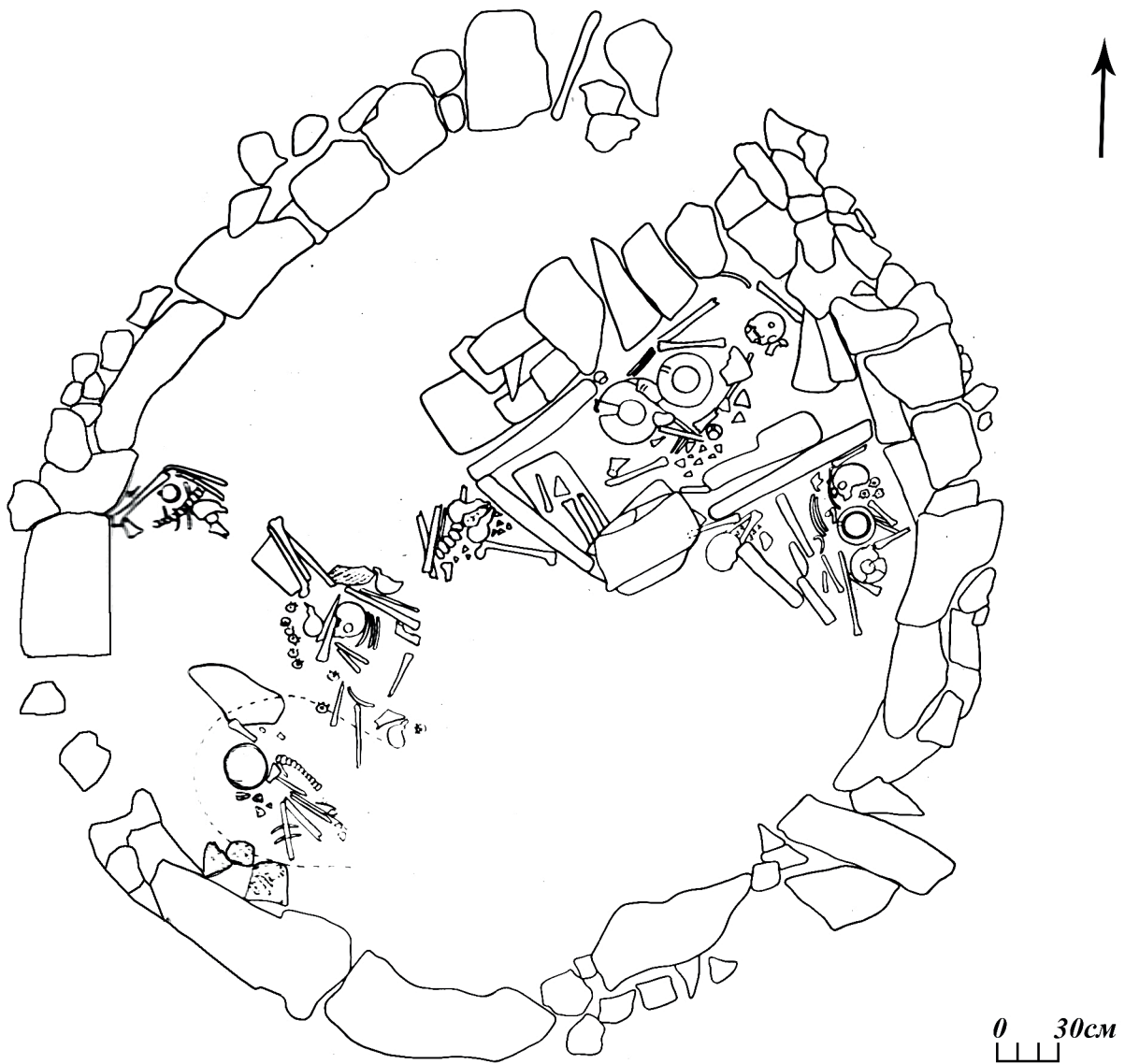

Рис 5. Могильник Гинчи. Склеп №2. Второй ярус.
Планы погребений в северо-восточном и юго западном секторах. По М.Г. Гаджиеву

Fig. 5. Ginchi burial site. Crypt № 2. Second tier.
Burials' layout in the northeast and south-western sectors. According to M.G. Gadzhiev

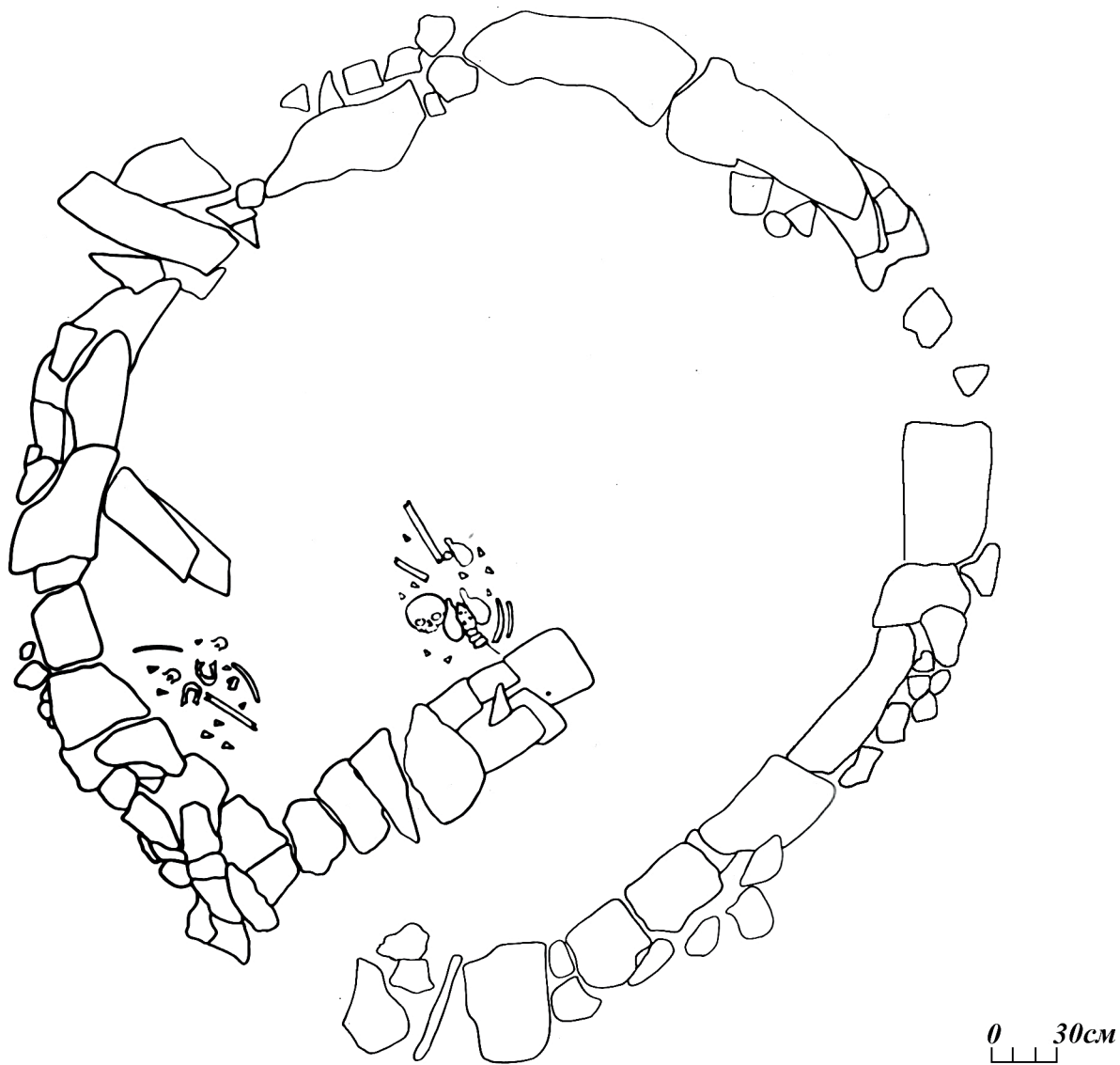

Рис 6. Могильник Гинчи. Склеп №2.
Планы погребений №№ 13 и 14 в отсеке. По М.Г. Гаджиеву

Fig. 6. Ginchi burial site. Crypt. 2.
Plans for burials № 13 and 14. According to M.G. Gadzhiev

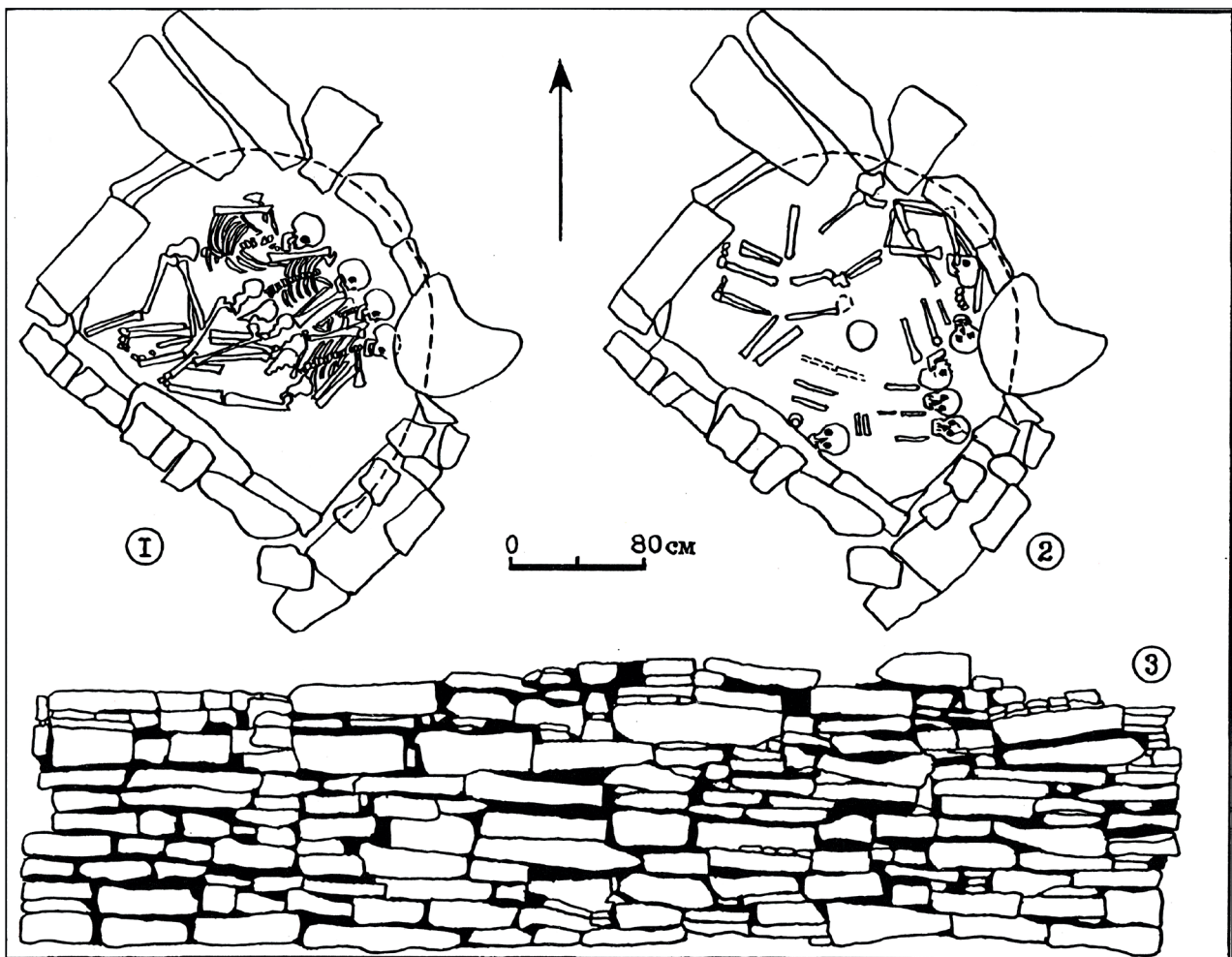

Рис 7. Могильник Гинчи.
Послойные планы (1–2) и развертка стены склепа №3. По М.Г. Гаджиеву

Fig. 7. Ginchi burial site.
Layered plans (1–2) and a developed view of the wall of the crypt № 3. According to M.G. Gadzhiev

Рис 8. Могильник Гинчи. Склеп №5.
Внешний вид (с юго-востока) после расчистки. По М.Г. Гаджиеву

Fig. 8. Ginchi burial site. Crypt № 5. Exterior (southeast) after clearance. According to M.G. Gadzhiev

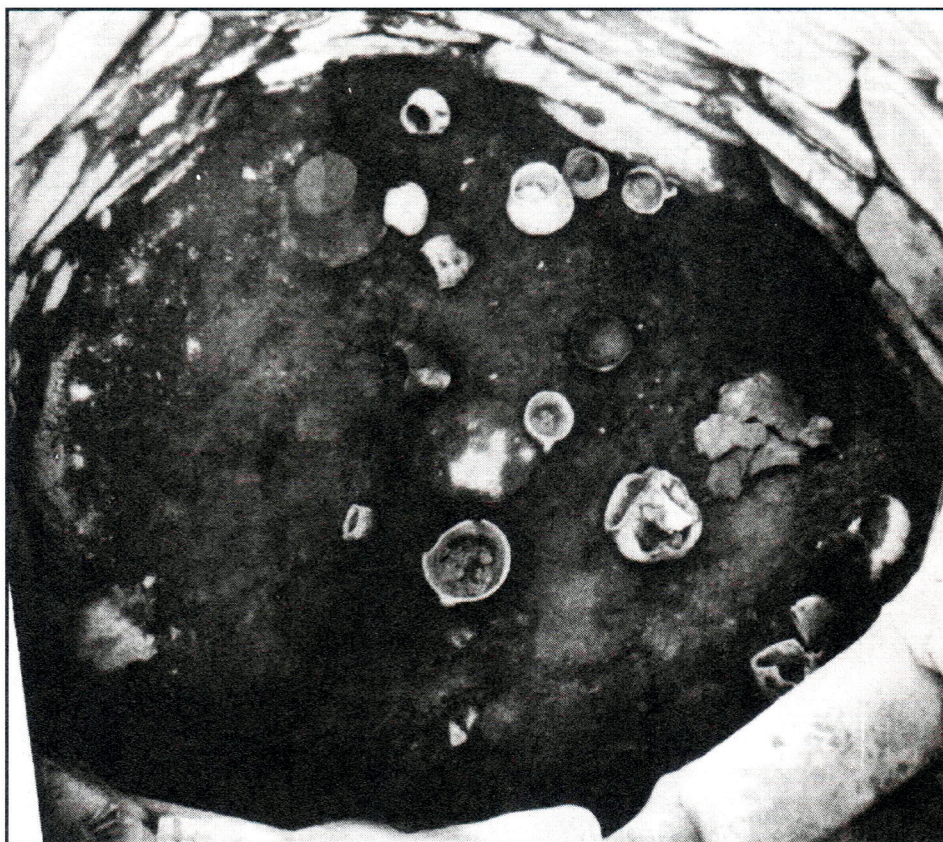

Рис 9. Могильник Гинчи. Склеп №5. Один из уровней внутреннего заполнения. Фото М.Г. Гаджиева

Fig. 9. Ginchi burial site. Crypt № 5. One of the levels of internal filling. Photo by M.G. Gadzhiev

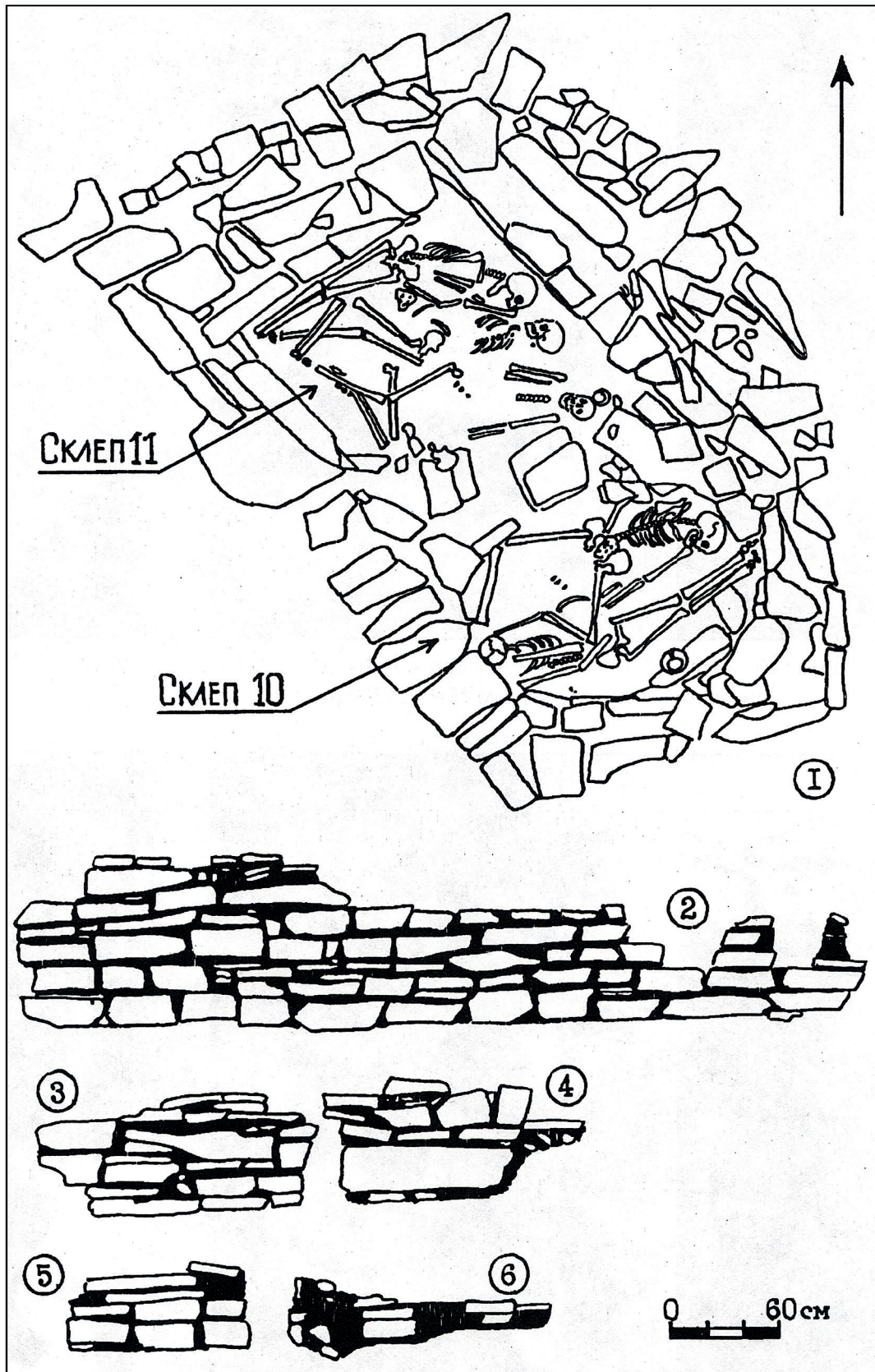

Рис 10. Могильник Гинчи. Склепы №№ 10–11. План (1) и профили стен (2–6). По М.Г. Гаджиеву
 Fig. 10. Ginchi burial site. Crypts № 10-11. Layout (1) and wall profiles (2–6). According to M.G. Gadzhiev

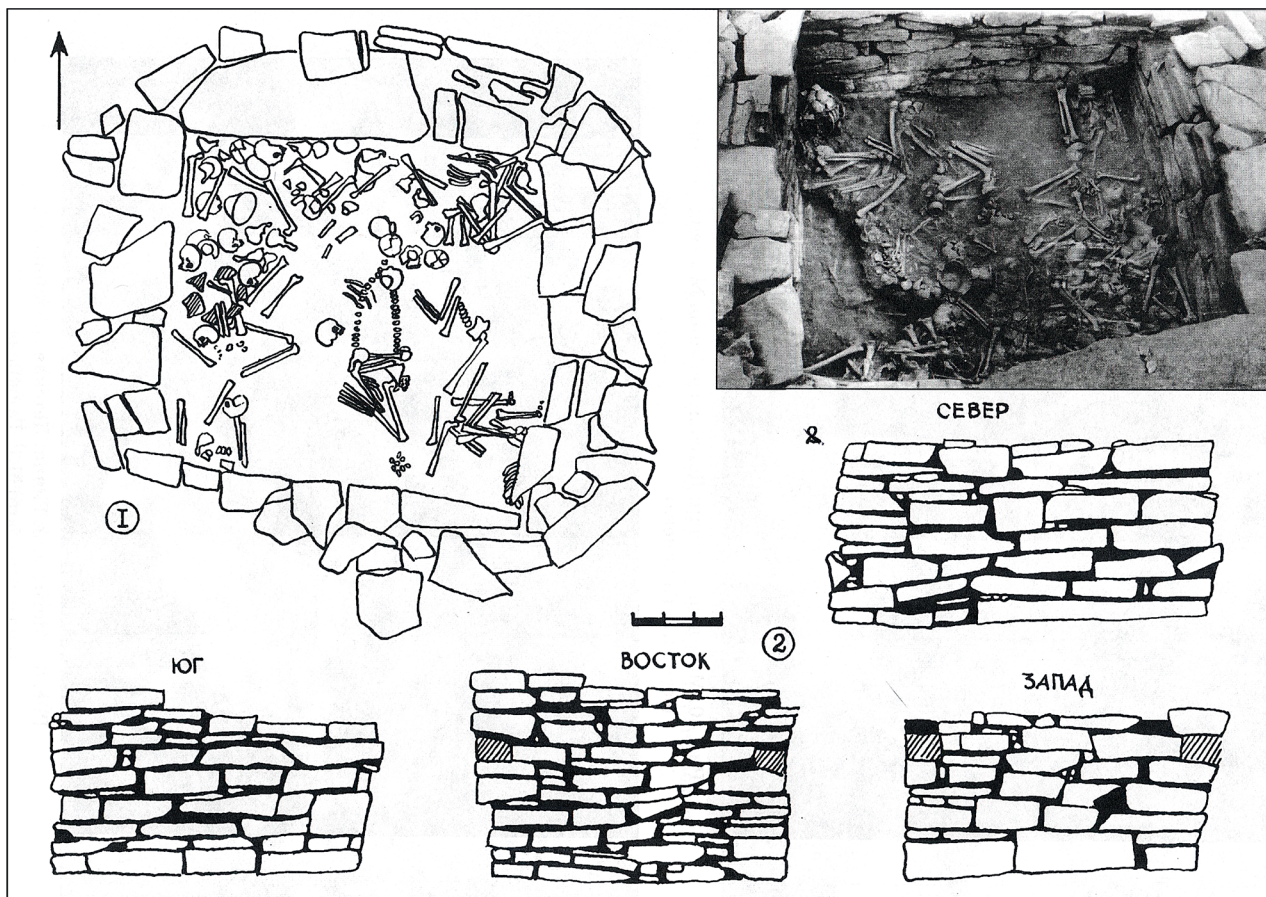

Рис 11. Могильник Гинчи. Склеп № 13.
 План (1), профили стен (2) и общий вид (с севера)
 на расчистки погребений. Фото и чертежи М.Г. Гаджиева

Fig. 11. Ginchi burial site. Crypt № 13.
 Layout (1), wall profiles (2) and general view (from the north) to the burials.
 Photos and sketches by M.G. Gadzhiev

Рис 12. Могильник Гинчи. Детская гробница №1. Вид с востока. Фото М.Г. Гаджиева

Fig. 12. Ginchi burial site. Children's tomb № 1. View from the east. Photo by M.G. Gadzhiev

Рис 13. Могильник Гинчи. Детская гробница №2. Вид с юга. Фото М.Г. Гаджиева

Fig. 13. Ginchi burial site. Children's tomb № 2. View from the south. Photo by M.G. Gadzhiev

Рис 14. Могильник Гинчи. Общий вид на кувшинные погребения. Фото М.Г. Гаджиева

Fig. 14. Ginchi burial site. General view of the jug burials. Photo by M.G. Gadzhiev

Рис 15. Могильник Гинчи. Кувшинное погребение №12. Вид с запада. Фото М.Г. Гаджиева

Fig. 15. Ginchi burial site. Jug burial № 12. View from the west. Photo by M.G. Gadzhiev

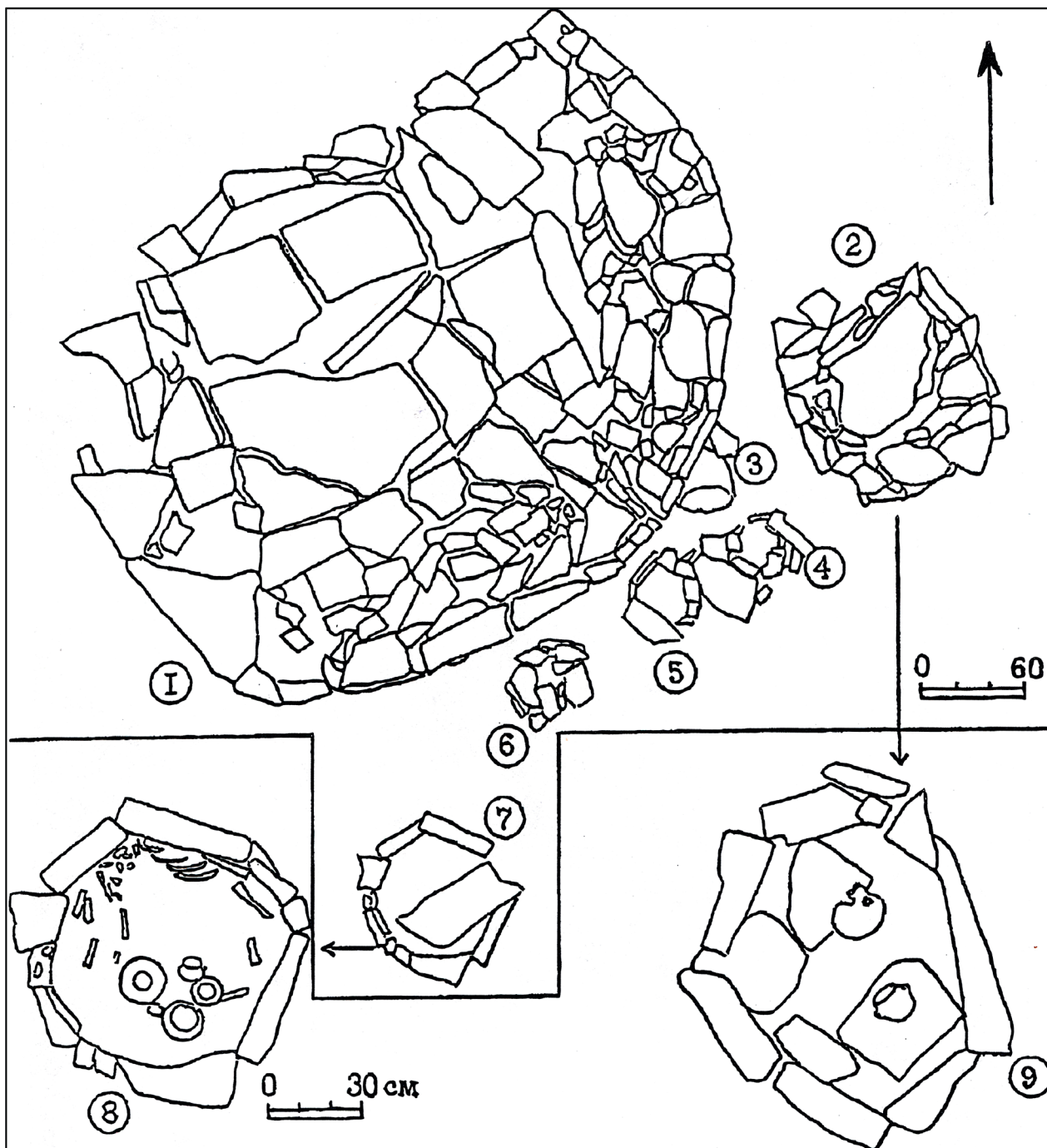

Рис 16. Могильник Гинчи.
 Планы склепа №9 (1), детских гробниц №№ 1–2 (2, 9 и 7, 8)
 и кувшинных погребений №№ 11–14 (3–6). По М.Г. Гаджиеву

Fig. 16. Ginchi burial site.
 Layouts of crypt № 9 (1), children's tombs № 1–2 (2, 9 and 7, 8)
 and jug burials № 11–14 (3–6). According to M.G. Gadzhiev.

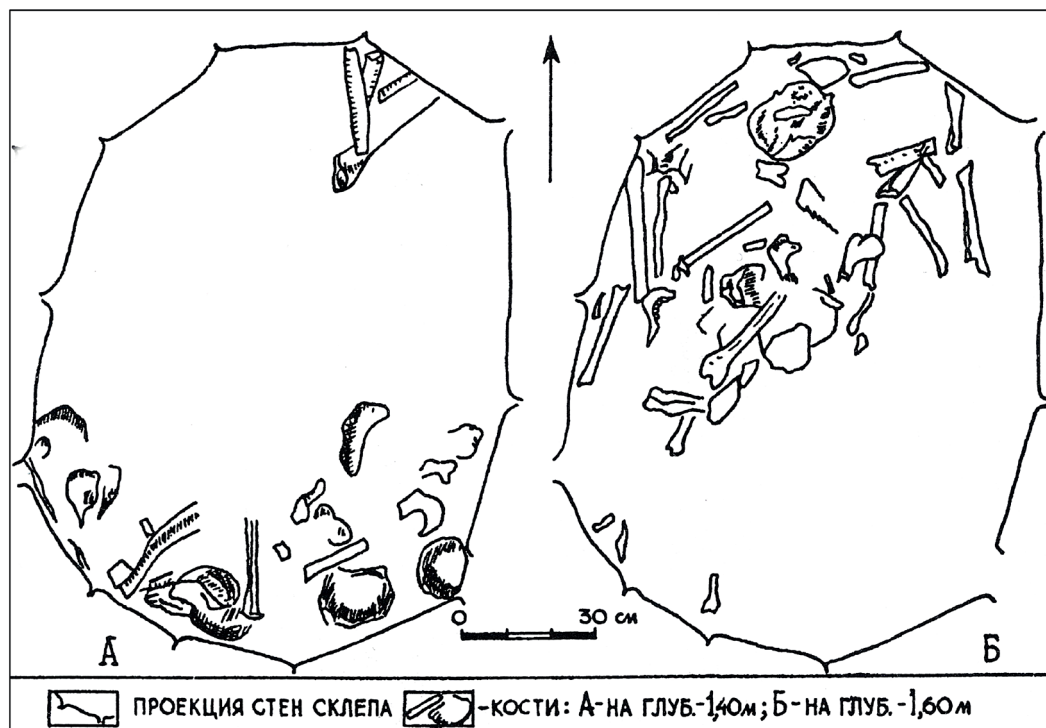

Рис 17. Могильник Чох. Склеп №3. А, Б – послойные планы. По Р.М. Мунчаеву

Fig. 17. Chokh burial site. Crypt № 3. А, В – layered plans. According to R.M. Munchaev

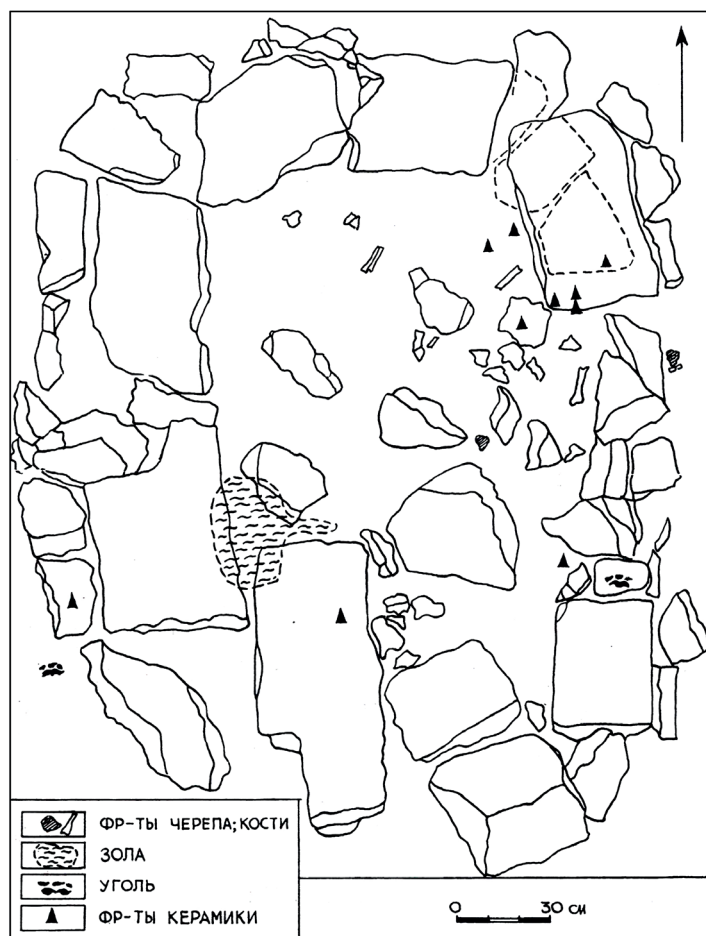

Рис 18. Могильник Чох. Склеп №1. План. По Р.М. Мунчаеву

Fig. 18. Chokh burial site. Crypt № 1. Layout. According to R.M. Munchaev

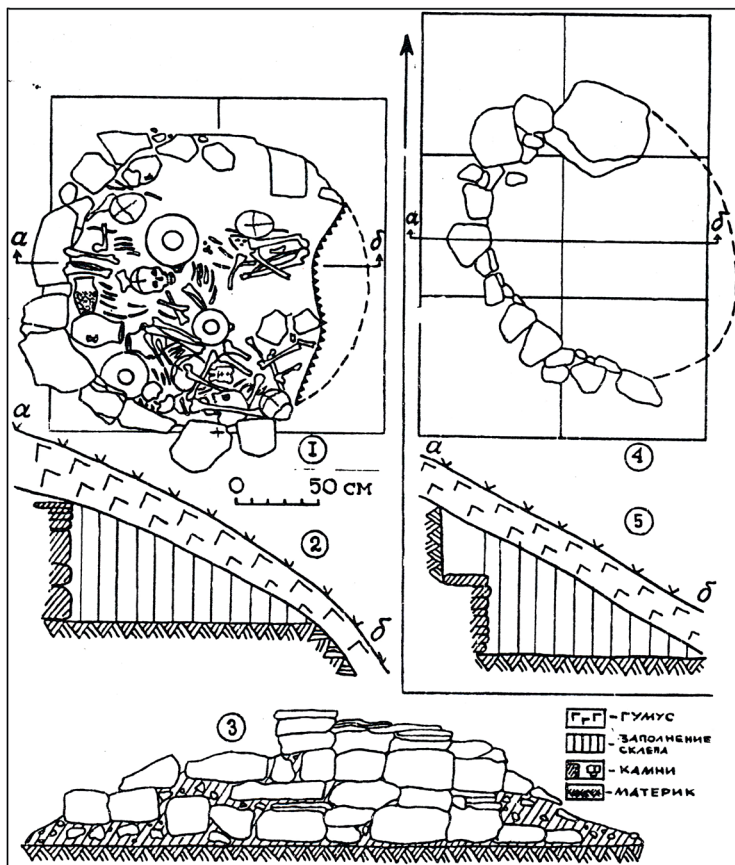

Рис 19. Могильник Галгалатли.
 Склепы №№1 (1 – план; 2 – разрез;
 3 – развертка стены)
 и 2 (4 – план; 5 – разрез).
 По М.Г. Гаджиеву и Р.Г. Магомедову

Fig. 19. Galgalatli burial site. Crypts № 1 (1 – layout; 2 – cross-section; 3 – developed view of walls) and № 2 (4 – layout; 5 – cross-section). According to M.G. Gadzhiev and R.G. Magomedov

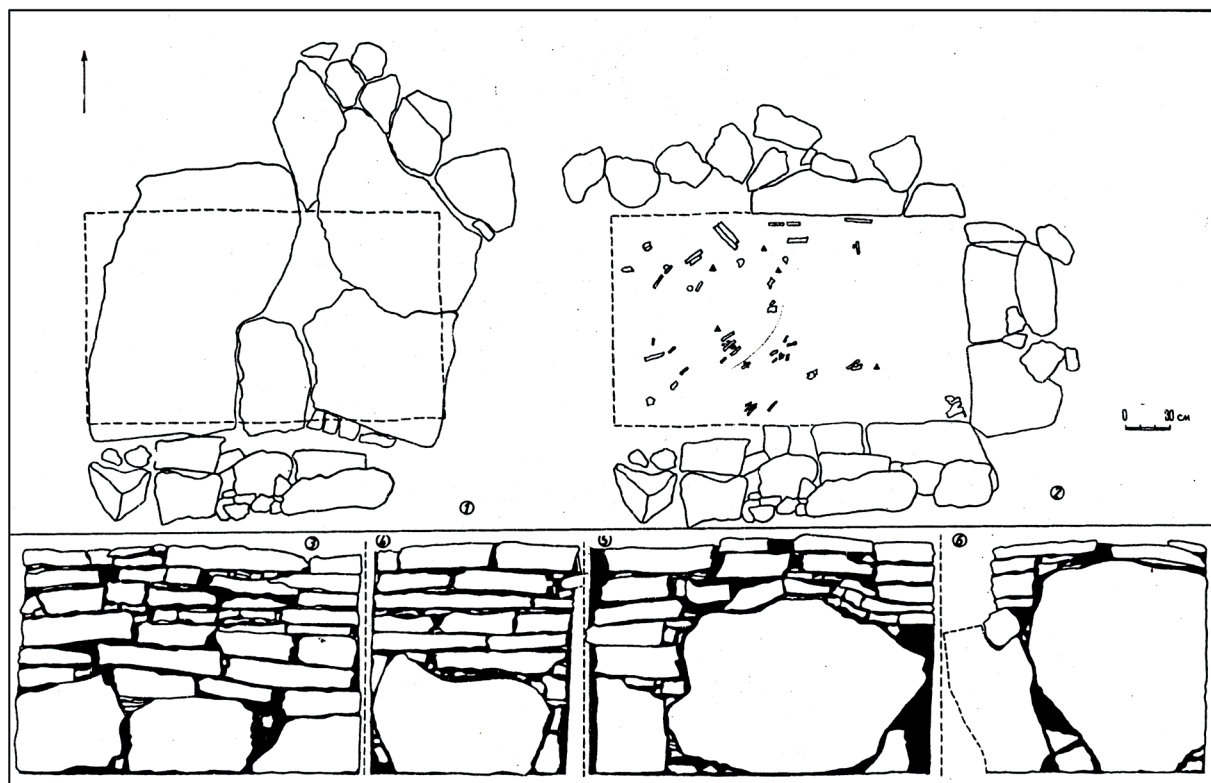

Рис 20. Могильник Муги. Склеп №1: планы (1–2) и профили стен (3–6). По Р.М. Мунчаеву

Fig. 20. Mugi burial ground. Crypt № 1: layouts (1-2) and wall profiles (3-6). According to R.M. Munchaev

Рис 21. Ирганайский могильник I. Вид с юго-востока на контрольную бровку и раскоп – зачищенную часть курганной насыпи. По Г.Д. Атаеву

Fig. 21. Irganai burial site I. View from the southeast to the control edge and excavation – cleared part of the burial mound. According to G.D. Ataev

Рис 22. Ирганайский могильник I. Расчистка курганной насыпи и плит перекрытия склепа № 6. Рабочий момент – вид с юго-запада. По Г.Д. Атаеву

Fig. 22. Irganai burial site I. Clearing the burial mound and floor slabs of crypt № 6. Working moment – view from the southwest. According to G. D. Ataev

Рис 23. Ирганайский могильник I. Вид с северо-востока на раскоп, склеп №6 и на западную часть могильника. По Г.Д. Атаеву

Fig. 23. Irganai burial site I. View from the north-east to the excavation, crypt № 6 and to the western part of the burial ground. According to G. D. Ataev

Рис 24. Ирганайский могильник I. Склеп №6. Вид с юго-востока после окончательной расчистки погребальной конструкции и кромлеха. По Г.Д. Атаеву

Fig. 24. Irganai burial site I. Crypt № 6. View from the southeast after final clearance of the burial structure and cromlech. According to G.D. Ataev

Рис 25. Ирганайский могильник I. Подкурганный склеп №6. Вид с юго-запада на погребальную конструкцию и ее входную часть, а также каменный кромлех после окончательной расчистки.
По Г.Д. Атаеву

Fig. 25. Irganai burial site I. Under-mound crypt № 6. View from the south-west to the funeral structure and its entrance, as well as the stone cromlech after the final clearance. According to G. D. Ataev

Рис 26. Ирганайский могильник I. Склеп №6. Вид с северо-запада на обнажившуюся часть новой курганный насыпи склепа №7. По Г.Д. Атаеву

Fig. 26. Irganai burial site I. Crypt № 6. View from the northwest to the exposed part of the new burial mound of crypt № 7. According to G. D. Ataev

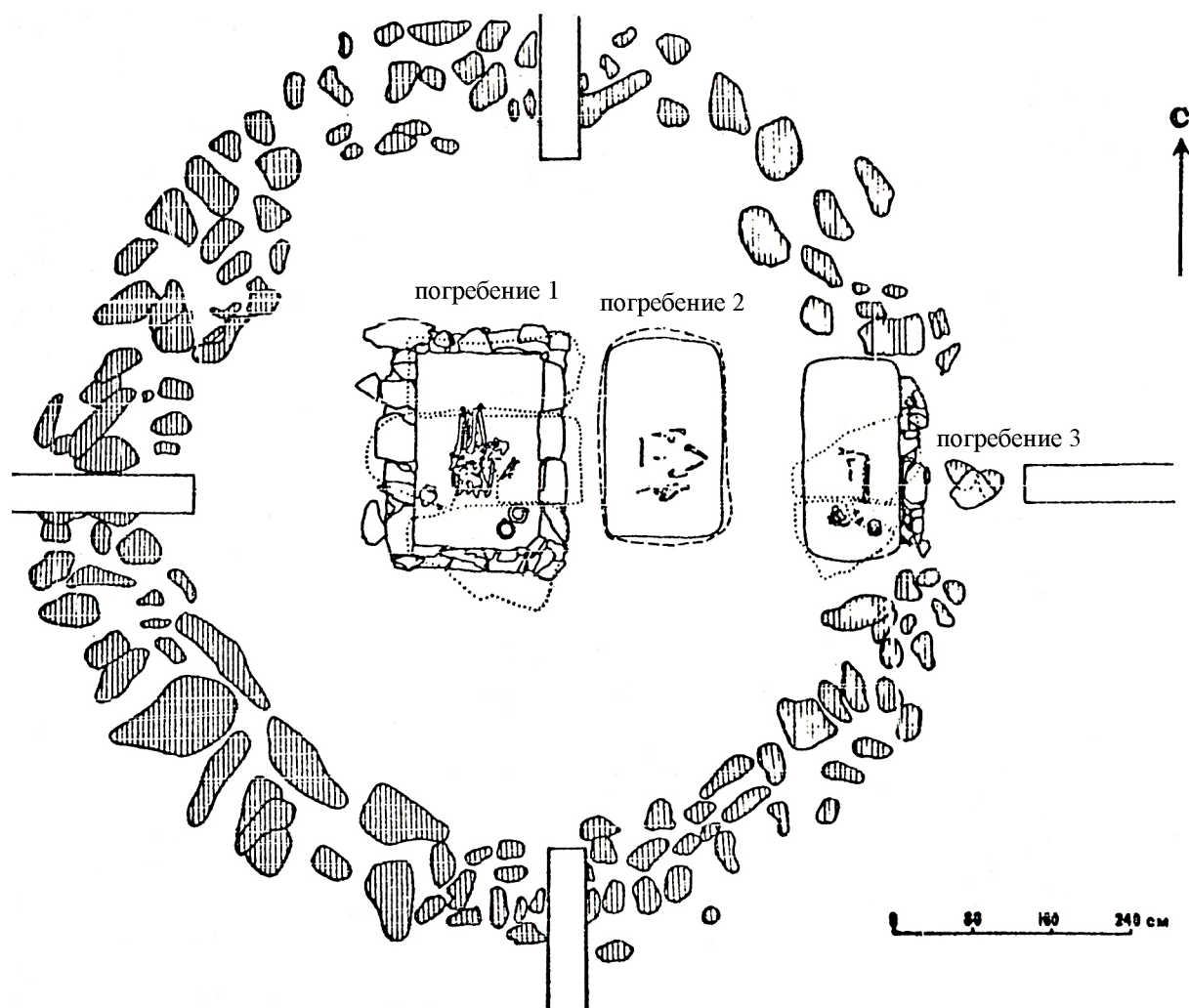

Рис 27. Миатлинский могильник. План центральной части кургана №1, группы VI

Fig. 27. Miatlinsky burial site. Layout of the central part of mound № 1, group VI

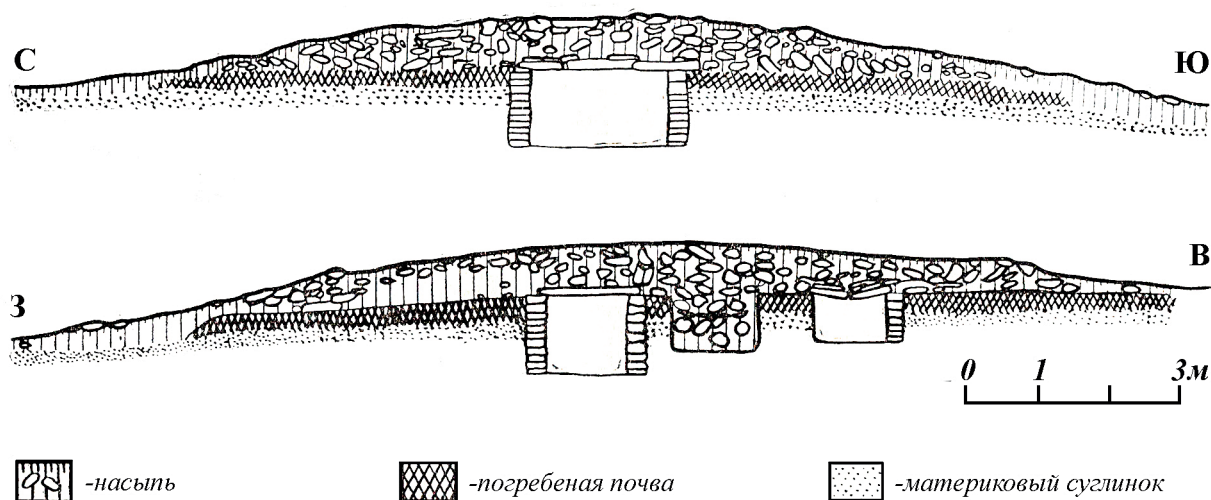

Рис 28. Миатлинский могильник. Профили осевых бровок кургана №1, группы VI

Fig. 28. Miatlinsky burial site. Profiles of the axial edges of mound № 1, group VI

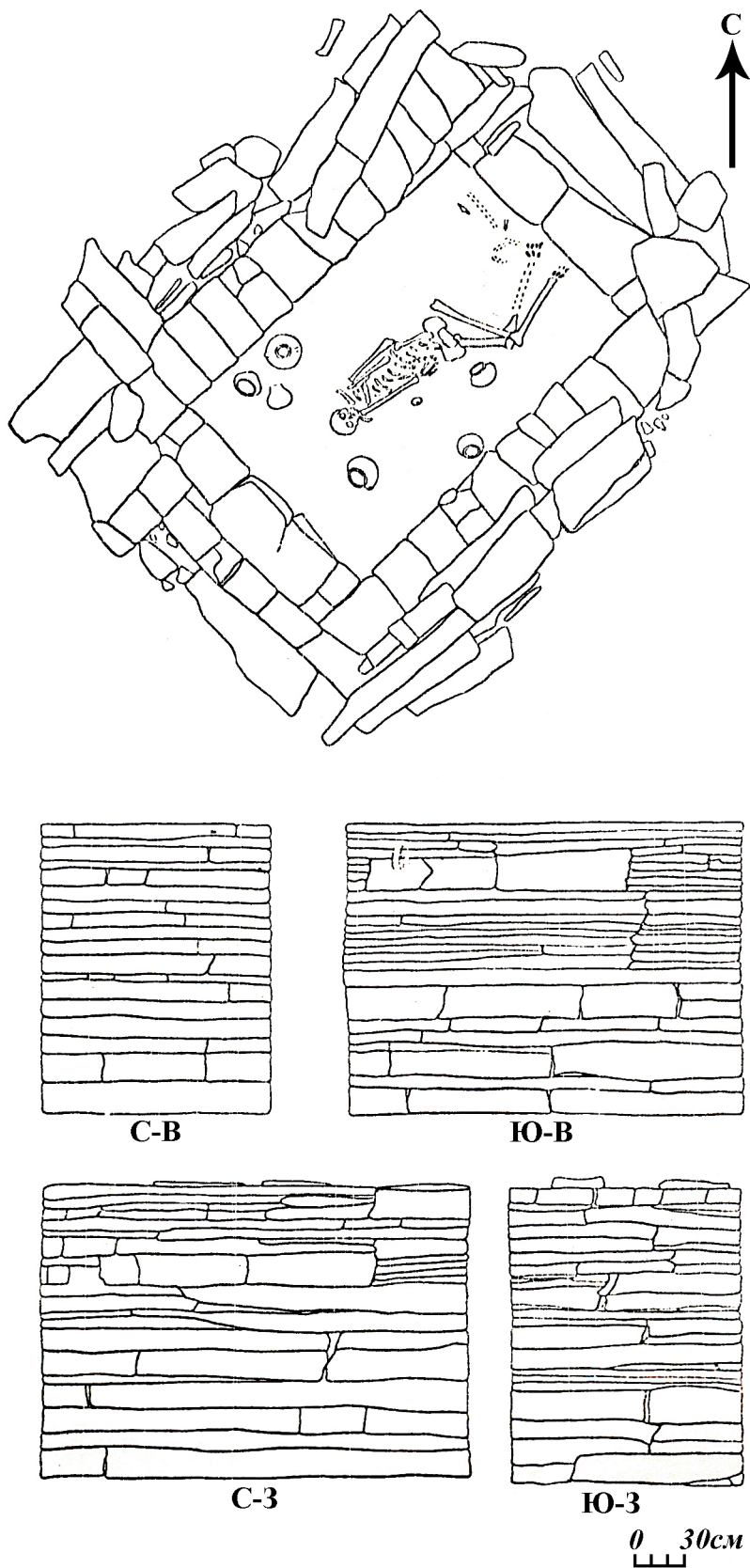

Рис 29. Чиркейский могильник. План погребения и профили стенок гробницы кургана №3, группы I
Fig. 29. Chirkeysky burial site. Burial layout and profiles of the walls of the tomb of mound № 3, group I

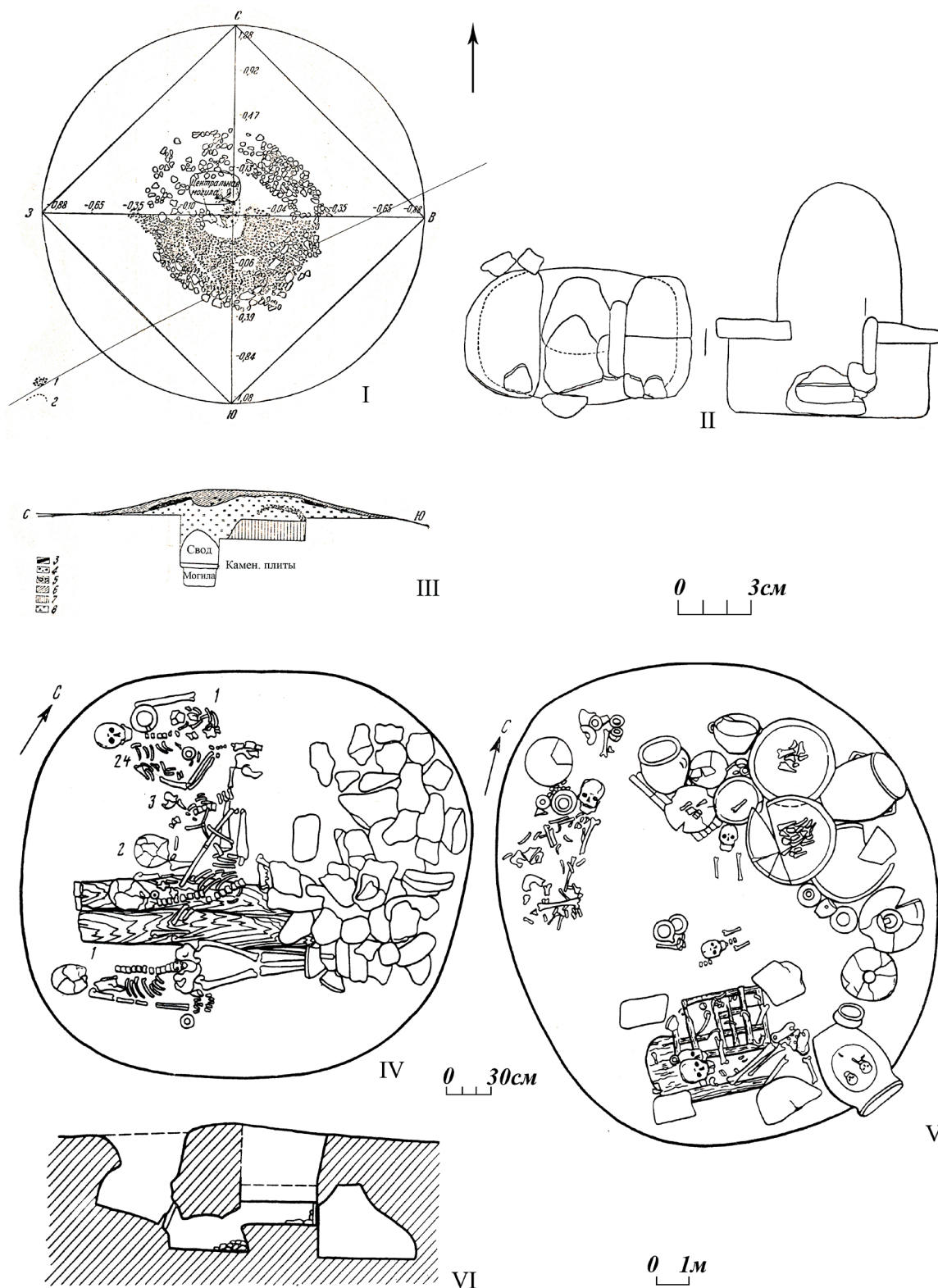

Рис 30. Подкурганые могилы и катакомбы у ст. Манас. I – план кургана 1; II – план разрез могилы со сводом; III – профиль кургана по линии С–Ю; IV–VI – планы и профили захоронений в катакомбах 1 и 2 кургана 3. По К.Ф. Смирнову и Р.М. Мунчаеву

Fig. 30. Under-mound graves and catacombs at the station Manas I – layout of mound 1; II – layout section of the grave with vault; III – profile of the mound along the North-South line; IV–VI – layouts and profiles of burials in the catacombs 1 and 2 mounds 3. According to K.F. Smirnov and R.M. Munchaev

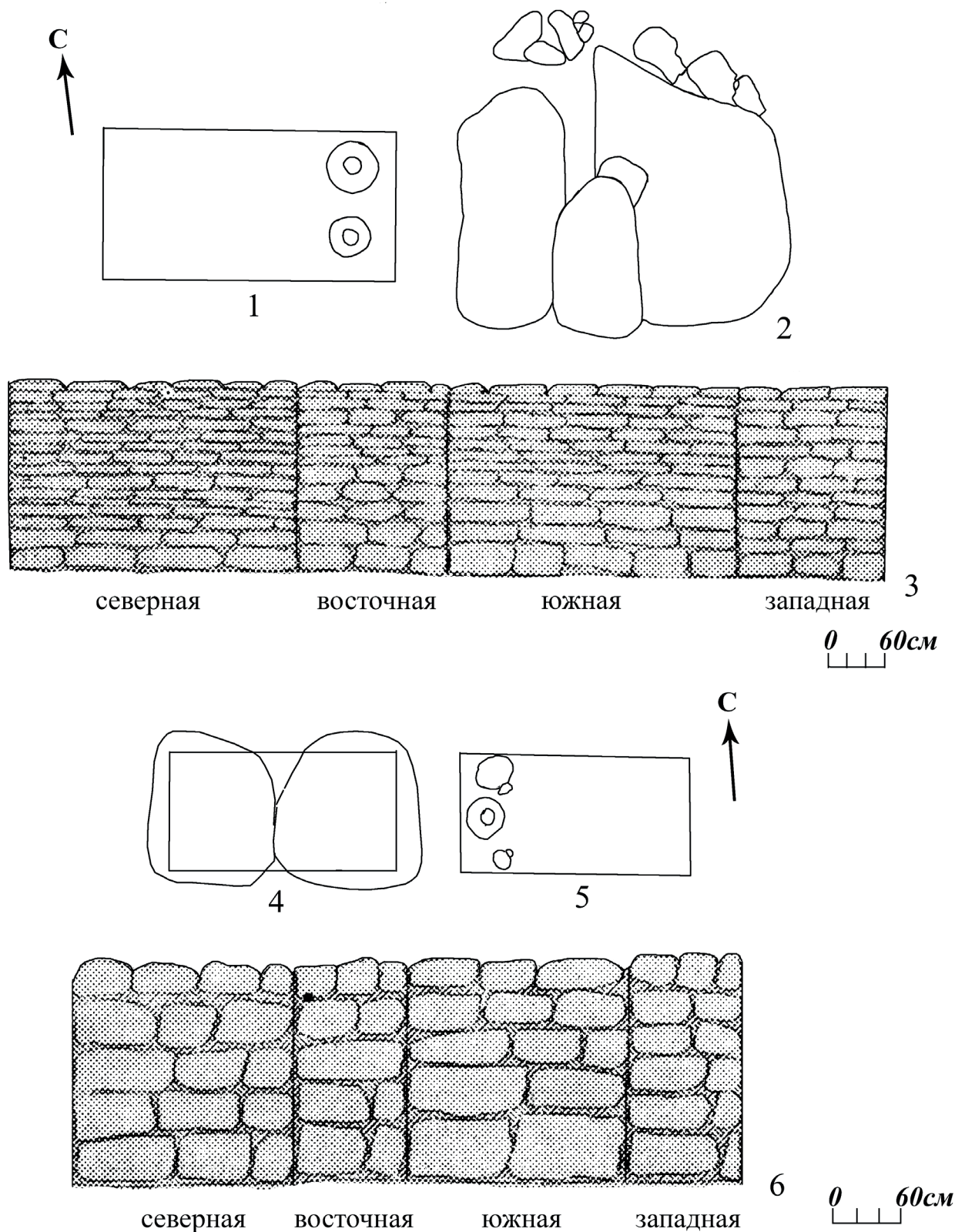

Рис 31. Подкурганые склепы могильника Гентал у с.Кафыркумух.
Планы и профили стенок склепов №1 и №2. По М.Г. Магомедову

Fig. 31. Under-mound crypts of the Gental burial ground near the village of Kafyrkumukh.
Layouts and profiles of the walls of the crypts № 1 and № 2. According to M.G. Magomedov

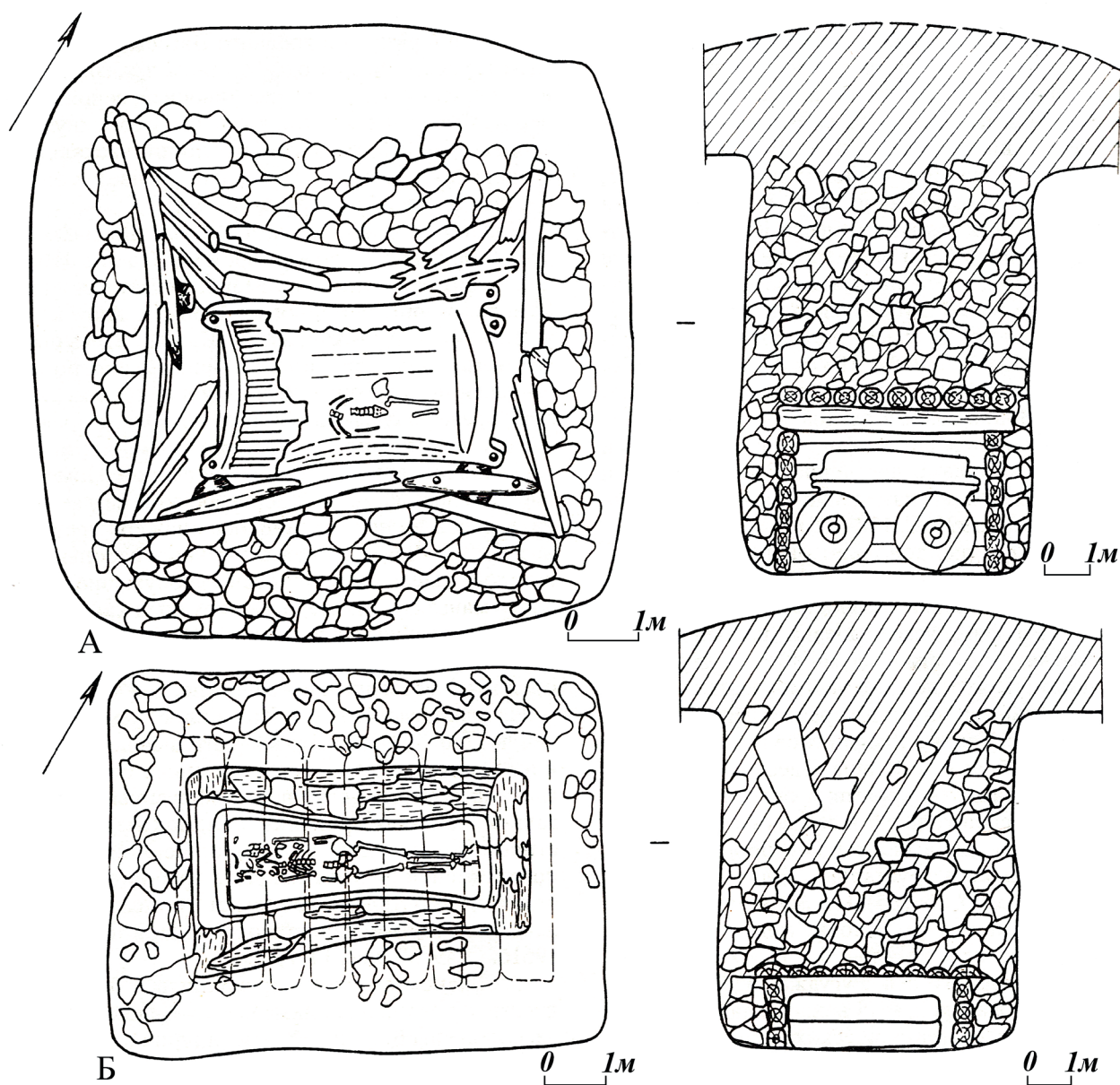

Рис 32. Курганы у с.Утамыш.
 А – погребение в кургане 1 (план и разрез);
 Б – погребение в кургане 3 (план и разрез).
 По В.Г. Котовичу, В.М. Котович, С.М. Магомедову

Fig. 32. Mounds near the village of Utamysh.
 A – burial in mound 1 (layout and cross-section);
 B – burial in mound 3 (layout and cross-section).
 According to V.G. Kotovich, V.M. Kotovich, S.M. Magomedov

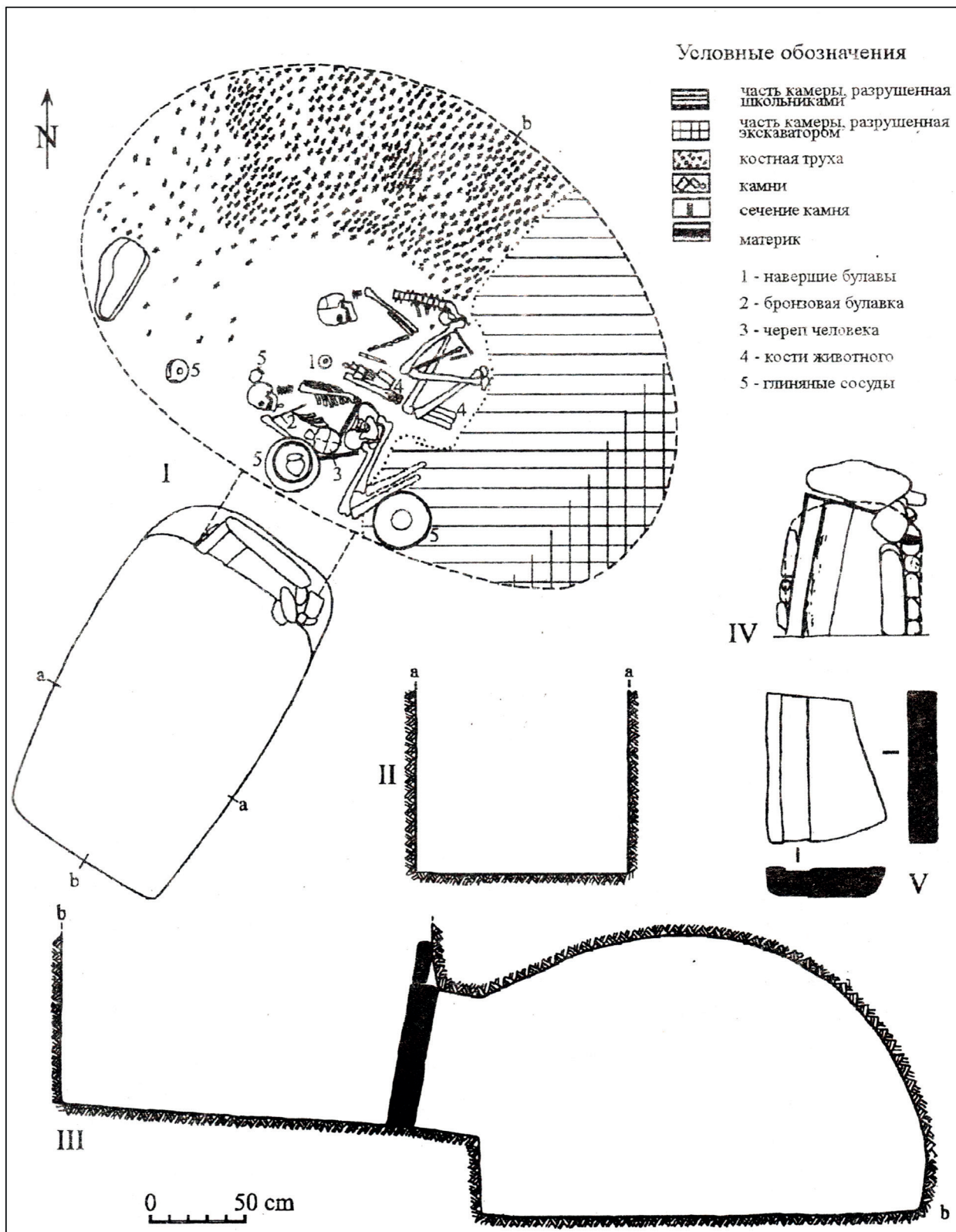

Рис 33. Великентский могильник I. Катакомба №3.
 Общий план (I), разрезы входной ямы и погребальной камеры (II–III), заклад входного лаза (IV) и основная плита заклада (V). По Р.Г. Магомедову

Fig. 33. Velikent burial ground I. Catacomb № 3.
 General plan (I), cross-sections of the entrance pit and burial chamber (II – III), foundation of the entrance (IV) and main stone barrier (V).
 According to R.G. Magomedov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 264 с.
2. Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала. 1974. 192 с.
3. Котович В.Г. Археологические исследования в горном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. с. 5–56.
4. Гаджиев М.Г. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. с. 22–41.
5. Мунчаев Р.М. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 71. 1958. с. 41–49.
6. Погребова М.Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. с. 109–123.
7. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. с. 49–135.
8. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969. 178 с.
9. Багаев М.Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.; Наука, 1986. с. 66-74.
10. Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. с. 6–24.
11. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала, 1998. 379 с.

1. Gadzhiev MG. *Early agricultural culture of the North-Eastern Caucasus: (Eneolithic and Early Bronze Age)* [Rannezemledelcheskaya kultura Severo-Vostochnogo Kavkaza: (epohi eneolita i rannei bronzy)]. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.)
2. Davudov OM. *Cultures of Dagestan of the Early Iron Age* [Kultury Dagestana epohi rannego zheleza. Mahachkala]. Makhachkala; 1974. (In Russ.)
3. Kotovich VG. *Archaeological research in mountainous Dagestan* [Arheologicheskie issledovaniya v gornom Dagestane] *Materials on the archeology of Dagestan. Vol. II* [Materialy po arheologii Dagestana. T. II]. Makhachkala; 1961:5-56. (In Russ.)
4. Gadzhiev MG. *Funeral rites of the early agricultural tribes of Dagestan* [Pogrebalnye obryady rannezemledelcheskih plemen Dagestana] *Rites and cults of the ancient and medieval population of Dagestan* [Obryady i kulty drevnego i srednevekovogo naseleniya Dagestana] Makhachkala; 1986:22-41. (In Russ.)
5. Munchaev RM. *Archaeological research in Nagorny Dagestan in 1954* [Arheologicheskie issledovaniya v Nagornom Dagestane v 1954 g.] *Brief reports and field research of the Institute of the History of Material Culture* [Kratkie soobscheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii materialnoi kultury]. 1958;71:41-49. (In Russ.)
6. Pogrebova MN. *Irganai crypt of the Bronze Age* [Irganaiskii sklep epohi bronzy] *Materials on the archeology of Dagestan* [Materialy po arheologii Dagestana]. Makhachkala; 1961;(2): 109-123. (In Russ.)
7. Markovin VI. *A new monument of the Bronze Age in mountainous Chechnya* [Novyi pamyatnik epohi bronzy v gornoi Chechne]. *Antiquities of Checheno-Ingushetia* [Drevnosti Checheno-Ingushetii]. Moscow: Nauka; 1963: 49-135. (In Russ.)
8. Gadzhiev MG. *From the history of the culture of Dagestan in the Bronze Age: (Burial ground of Ginchi)* [Iz istorii kultury Dagestana v epohu bronzy: (Mogilnik Ginchi)]. Makhachkala; 1969. (In Russ.)
9. Bagaev MKh. *A new burial ground of the Bronze Age in Checheno-Ingushetia* [Novyi mogilnik epohi bronzy v Checheno-Ingushetii]

12. Атаев Г.Д. О связях населения горного Дагестана со степными племенами в эпоху средней бронзы // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. № 6. Ростов-на-Дону. 2010. с. 39–44.
13. Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у сел Эгикал в Ингушетии // Советская археология. № 4. 1970. с. 83–94.
14. Гаджиев М.Г. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке // Ученые записки ИИЯЛ. Т. XIII. Махачкала, 1964. с. 233–259.
15. Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976. с. 21–25.
16. Ерзункаева К.З. Новое об эволюции погребального обряда эпохи бронзы в Восточной Чечне // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. с. 13–18.
17. Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М., 1995. с. 29–47.
18. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. М.; Л., 1958. с. 7–146.
19. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. с. 81–100.
20. Голубкина Т.И. О культурно-ритуальных сосудах из кувшинных погребений // Материалы научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ Музея за 1983 г. Баку: Элм, 1985.
21. Богданова М.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. Государственного Исторического музея. Вып. 54. 4. 2. М., 1982.
- New in the archeology of the North Caucasus [Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza]. Moscow: Nauka; 1986:66–74. (In Russ.)*
10. Vinogradov VB, Khashegulgov BM. Belty burial ground of the Bronze Age: (Questions of chronology) [Beltinskii mogilnik epohi bronzy: (Voprosy hronologii)] *Problems of the chronology of burial sites of Checheno-Ingushetia [Problemy hronologii pogrebalnyh pamyatnikov Checheno-Ingushetii]*. Grozny; 1986:6–24. (In Russ.)
11. Magomedov RG. *Ginchin culture: (Mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age) [Ginchinskaya kultura: (Gory Dagestana i Chechni v epohu srednei bronzy)]*. Makhachkala; 1998. (In Russ.)
12. Ataev GD. On the connections of the population of mountainous Dagestan with the steppe tribes in the Middle Bronze Age [O svyazyah naseleniya gornogo Dagestana so stepnymi plemenami v epohu srednei bronzy] *Izvestiya Vuzov. North Caucasian region*. 2010;6:39–44. (In Russ.)
13. Markovin VI. Crypts of the Bronze Age near the villages of Egikal in Ingushetia [Sklepy epohi bronzy u sel Egikal v Ingushetii] *Soviet archeology*. 1970;4:83–94. (In Russ.)
14. Gadzhiev MG. On the funeral rite of the tribes of mountainous Dagestan in the Bronze Age [O pogrebalnom obryade plemen gornogo Dagestana v bronzovom veke] *Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature*. Makhachkala; 1964;(13):233–259. (In Russ.)
15. Oshaev MKh. Materials from Chechnya on the archeology of the Bronze Age [*Materialy iz Chechni po arheologii bronzovogo veka*] *Archaeological and ethnographic collection*. Grozny; 1976;(4):21–25. (In Russ.)
16. Erzunkaeva KZ. New about the evolution of the funeral rite of the Bronze Age in Eastern Chechnya [Novoe ob evolyutsii pogrebalnogo obryada epohi bronzy v Vostochnoi Chechne] *Archeology and questions of the ethnic history of the North Caucasus [Arheologiya i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza]*. Grozny; 1979:13–18. (In Russ.)
17. Markovin VI. Burial ground of the Bronze Age near the village of Maly Kharsenoy in Chechnya [*Mogilnik epohi bronzy u seleniya Malyi Harsenoi v Chechne*] *Historical and Archaeological Almanac*. Armavir-Moscow; 1995;(1):29–47. (In Russ.)

22. Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура // МИА. № 122. С. 106-107
23. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
24. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана: к истории дагестанских племен в конце III-II тысячелетиях до н.э. Махачкала, 1965. 261 с.
25. Канивец В.И. Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959. С. 31–59.
26. Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28.
27. Атаев Г.Д. Бассейн реки Сулак в эпохи ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 26 с.
28. Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // Советская археология. № 1, 1987. с. 145–157.
29. Грен А.Н. Отчет о летней командировки в Хасав-Юртовский округ Терской области // Древности, Труды Московского археологического общества. Т. XXI. Вып. 2. Протоколы. – М., –1907. – с. 134–136.
30. Мунчаев Р. М., Смирнов. К.Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент: (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. М.; Л., 1958. с. 146–75.
31. Русов А.А. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Труды предварительных комитетов. V археологический съезд. М., 1882. с. 582–584.
32. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганный группа у станции Манас) // Советская археология. Вып. XXVI. 1956. с. 167–203.
18. Kruglov AP. North-Eastern Caucasus in the II-I millennium BC. [Severo-Vostochnyi Kavkaz vo II–I tys. do n. e.] *Materials and research on archeology of the USSR [Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR]*. 1958;68: 7-146. (In Russ.)
19. Gadzhiev MG., Magomedov R.G. Monuments of the Ginchin culture near the villages. Gagatl [Pamyatniki ginchinskoi kultury u sel. Gagatl] *Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus [Drevnie kultury Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala, 1985:81-100. (In Russ.)
20. Golubkina TI. On cultural and ritual vessels from jug burials [O kulturno-ritualnykh sudach iz kuvshinnykh pogrebenii] *Proceedings of the scientific session dedicated to the results of the Museum's research work for 1983*. Baku: Elm; 1985. (In Russ.)
21. Bogdanova MA. Burial rite of the rural population of the Late Scythian state in the Crimea [Pogrebalnyi obryad selskogo naseleeniya pozdneskifskogo gosudarstva v Krymu] *Archaeological research in the south of Eastern Europe. Tr. State Historical Museum. Issue 54.4.2*. Moscow; 1982. (In Russ.)
22. Markovin VI. Dagestan and mountainous Chechnya in antiquity. *Kayakent-Khorochoev culture [Dagestan i gornaya Chechnya v drevnosti. Kayakentsko-horochoevskaya kultura]*. MIA. 122:106-107. (In Russ.)
23. Masson VM. *Economy and social structure of ancient societies [Ekonomika i sotsialnyi stroi drevnih obschestv]*. Leningrad; 1976. (In Russ.)
24. Kotovich VM. *Verkhnegunibskoe settlement – a monument of the Bronze Age of mountainous Dagestan: to the history of the Dagestan tribes at the end of the 3rd-2nd millennia BC [Verhnegunibskoe poselenie - pamyatnik epohi bronzy gornogo Dagestana: k istorii dagestanskih plemen v kontse III-II tysyachetiyah do n.e.]*. Makhachkala; 1965. (In Russ.)
25. Kanivets VI. Miatli as a new monument of the Bronze Age in Northern Dagestan [Miatli – novyi pamyatnik bronzovogo veka v Severnom Dagestane] *Materials on the archeology of Dagestan [Materialy po arheologii Dagestana]*. Makhachkala; 1959;(1):31-59. (In Russ.)
26. Gadzhiev MG. Dagestan and South-East Chechnya in the Middle Bronze Age [Dagestan i Yugo-Vostochnaya Chechnya v epohu srednei

33. Федоров Г.С. Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1977. с. 22–25.
34. Магомедов М.Г. Гробницы эпохи бронзы в урочище Гентал // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. с. 14–21.
35. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1996. 464 с.
36. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука. 1980. с. 43–61.
37. Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. с. 287–333.
38. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука. 1975. 416 с.
39. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова Думка. 1978.
40. Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: ТОО «Старый сад», 2000. 224 с.
41. Гаджиев М.Г. Дагестан на пути к ранней цивилизации (Новое в древнейшей истории и археологии Северо-Восточного Кавказа) // Кавказ и Древний Восток. Сб. статей, посв. 70-летию Р. М. Мунчаева. Махачкала, 1999. с. 70–86.
42. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Великентские катакомбы // ТД Всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». Запорожье. 1990. с. 14–16.
43. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. 120 с.
44. Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. Металл Великентской катакомбы // Древние бронзы] *Antiquities of Dagestan [Drevnosti Dagestana. Mahachkala]*. Makhachkala; 1974: 11–28. (In Russ.)
27. Ataev GD. *The Sulak River Basin in the Early and Middle Bronze Age [Bassein reki Sulak v epohi rannei i srednei bronzy]*. Thesis abstract. Moscow; 1986. (In Russ.)
28. Ataev GD. Chirkei burial mounds of the Bronze Age [Chirkeiskie kurgany bronzovogo veka] *Soviet archeology*. 1987;(1):145–157. (In Russ.)
29. Gren AN. Report on a flight trip to the Khasavyurt district of the Terek region [Otchet o letnoi komandirovki v Hasav-YUrtovskii okrug Terskoi oblasti] *Antiquities, Proceedings of the Moscow Archaeological Society [Drevnosti, Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obschestva]*. Vol. XXI. Issue 2. Protocols. Moscow; 1907:134–136. (In Russ.)
30. Munchaev RM, Smirnov KF. Archaeological sites near the village of Karabudakhkent: (Dagestan ASSR) [Arheologicheskie pamyatniki bliz sela Karabudakhkent: (Dagestanskaya ASSR)] *Ancient tribes and peoples of the Caucasus. Materials and research on archeology of the USSR [Drevnie plemena i narodnosti Kavkaza. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR]*. Moscow; Leningrad. 1958;68:146–75. (In Russ.)
31. Rusov AA. Report on summer and autumn archaeological works in Southern Dagestan [Otchet o letnih i osennih arheologicheskikh rabotah v Yuzhnom Dagestane] *Proceedings of preliminary committees. V archaeological congress [Trudy predvaritelnyh komitetov. V arheologicheskii syezd]*. Moscow; 1982:582–584. (In Russ.)
32. Munchaev RM., Smirnov KF. Monuments of the Bronze Age in Dagestan: (Kurgan group at the Manas station) [Pamyatniki epohi bronzy v Dagestane: (Kurgannaya gruppa u stantsii Manas)] *Soviet archeology*. 1956;26: 167–203. (In Russ.)
33. Fedorov GS. Another Manas catacomb [Esche odna manasskaya katakomba] *Ancient monuments of the North-Eastern Caucasus [Drevnie pamyatniki Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala. 1977:22–25. (In Russ.)
34. Magomedov MG. Tombs of the Bronze Age in the Gental tract [Grobnitsy epohi bronzy v urochische Gental] *Ancient monuments of the North-Eastern Caucasus [Drevnie pamyatniki*

промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. с. 7-27.

45. Марковин В.И. Северо-Кавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.

46. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения») ТД. М., 1996.

47. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997-99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV) // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur Archaeologie Eurasiens. Band 6.* 2000. p. 47-122.

48. Magomedov R.G. The Kura-Araxes 'culture' in the north-eastern Caucasus: problems in its identification and chronology // Beyond the steppe and the sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Edited by D.L. Peterson, L.M. Popova, A.T. Smith. Brill. Leiden. Boston. 2006. p. 142-159.

49. Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ на заре бронзового века (феномен прерванной цивилизации) // Вестник Дагестанского научного центра. 1998. № 1. С. 98-104.

Severo-Vostochnogo Kavkaza]. Makhachkala; 1977:14-21. (In Russ.)

35. Gadzhiev MG., Davudov OM., Shikhsaidov AR. *The history of Dagestan from ancient times to the end of the 15th century [Istoriya Dagestana s drevneishih vremen do kontsa XV v]*. Makhachkala: Publishing House of the DSC RAS; 1996. (In Russ.)

36. Kotovich VG., Kotovich VM., Magomedov SM. Utamysh kurgans [Utamyshskie kurgany] *North Caucasus in antiquity and the Middle Ages [Severnyi Kavkaz v drevnosti i v srednie veka]*. Moscow: Nauka; 1980:43-61. (In Russ.)

37. Markovin VI. North-Eastern Caucasus in the Bronze Age [Severo-Vostochnyi Kavkaz v epohu bronzy] *Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus [Arheologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza Kavkaza]*. Moscow: Nauka; 1994:287-333. (In Russ.)

38. Munchaev RM. Caucasus at the dawn of the Bronze Age: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze [Kavkaz na zare bronzovogo veka: Neolit, eneolit, rannyyaya bronza]. Moscow: Nauka; 1975. (In Russ.)

39. Nechitailo AL. *Upper Kuban region in the Bronze Age [Verhnee Prikubane v bronzovom veke]*. Kiev: Naukova Dumka; 1978. (In Russ.)

40. Gey AN. *Novotitorovskaya culture [Novotitorovskaya kultura]*. Moscow: 2000. (In Russ.)

41. Gadzhiev MG. Dagestan on the way to early civilization (New in the ancient history and archeology of the North-Eastern Caucasus) [Dagestan na puti k rannei tsivilizatsii (Novoe v drevneishei istorii i arheologii Severo-Vostochnogo Kavkaza)] *Caucasus and Ancient East. Collected articles dedicated to the 70th anniversary of R. M. Munchaev [Kavkaz i Drevnii Vostok. Sb. statei, posv. 70-letiyu R. M. Munchaeva]*. Makhachkala; 1999:70-86. (In Russ.)

42. Gadzhiev MG., Magomedov RG. The Great Catacombs [Velikentskie katakomby] *Problems of Studying the Catacomb Cultural-Historical Community [Problemy izucheniya katakombnoi kulturno-istoricheskoi obschnosti]*. Zapozh'e; 1990:14-16. (In Russ.)

43. Magomedov RG. *Materials for the study of the cultures of the Bronze Age in Primorsky*

Dagestan [Materialy k izucheniyu kultur epohi bronzy v Primorskom Dagestane]. Makhachkala; 2000. (In Russ.)

44. Gadzhiev MG., Korenevsky SN. Metal of the Velikent catacomb [Metall Velikentskoi katakomby] *Ancient trades and crafts in Dagestan [Drevnie promysly, remeslo i torgovlya v Dagestane]*. Makhachkala; 1984:7-27. (In Russ.)

45. Markovin VI. North Caucasian cultural and historical community [Severo-Kavkazskaya kulturno-istoricheskaya obschnost] *Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus [Arheologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1994. (In Russ.)

46. Gadzhiev MG, Magomedov RG, Kol F. About radiocarbon dates for the monuments of the Bronze Age of Dagestan [O radiouglerodnyh datah dlya pamyatnikov bronzovogo veka Dagestana] *Actual problems of archeology of the North Caucasus: XIX "Krupnovskie readings"*. Moscow; 1996. (In Russ.)

47. Gadzhiev M, Kohl Ph, Magomedov R, Stronach D, Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997-99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV) *Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur Archaologie Eurasiens. Band 6*. 2000:47-122.

48. Magomedov RG. The Kura-Araxes 'culture' in the north-eastern Caucasus: problems in its identification and chronology. *Beyond the steppe and the sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archeology*. D.L. Peterson, L.M. Popova, A.T. Smith (eds.). Brill. Leiden. Boston; 2006. p. 142-159.

49. Gadzhiev MG. North-Eastern Caucasus at the dawn of the Bronze Age (the phenomenon of interrupted civilization) [Severo-Vostochnyi Kavkaz na zare bronzovogo veka (fenomen prervannoi tsivilizatsii)]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 1998;1:98-104. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.11.2020 г.